

Евгения Белякова

Песочные часы с кукушкой

16+

Евгения Белякова

Песочные часы с кукушкой

«Автор»

2012

Белякова Е. П.

Песочные часы с кукушкой / Е. П. Белякова — «Автор», 2012

Альтернативный 1915 год. Крупнейшие державы мира объединились и построили город Науки на острове в Кельтском море. Там изобретают и делают научные открытия представители самых могущественных стран - Российской Империи, Германии, Великобритании, Франции и Нового Света. Амбициозный проект развивается, история меняет русло, Первая Мировая так и не наступила, а на маленьком острове, в самом центре прогресса, растет неведомая сила. Судьба сводит вместе русского фабриканта, юную журналистку местной газеты и гениального изобретателя, чье прошлое скрывает множество тайн.

© Белякова Е. П., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Визит первый	5
Визит второй	11
Визит третий	18
Визит четвертый	21
Визит пятый	25
Визит шестой	29
Визит седьмой	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Евгения Белякова

Песочные часы с кукушкой

Визит первый

Карл Поликарпович Ключев, пожилой владелец часовой фабрики, примечателен был ростом и огромными нафабранными усами, а также, по уверению конкурентов, жесткостью характера, скрывающейся за по-детски пухлыми щеками и голубыми глазами. Посмотрев на небо, которое, наконец, прекратило ронять тяжелые капли на его усы, Карл Поликарпович повернул несколько раз массивную ручку звонка. Дождался, пока за дверью послышались шаги, после этого чуть привстал на цыпочки, заглядывая в глазок со стороны улицы, чтобы Жак мог хорошо рассмотреть визитера. Уверения в том, что его массивная фигура видна, даже когда он просто стоит перед дверью, Карл считал смехотворными; щелкнул замок и фабрикант, тщательно вытерев подошвы о половик, ступил в дом-лабораторию своего друга, Шварца.

Жак уже успел куда-то убежать, попирая законы вежливости – откуда-то из глубины помещения раздался странный звон, затем приглушенное ругательство. Карл Поликарпович недовольно покряхтел и прошел на середину прихожей, затем снял шляпу.

– Яков Гедеонович дома? – спросил фабрикант, надеясь, что его голос выражает серьезность ровно в той мере, чтобы этот прохвост немедля примчался.

Жак застучал каблуками щегольских ботинок откуда-то сверху. «Ни тебе здрасьте, ни досвидания», – недовольно подумал гость. Жак меж тем свесился с балкона второго этажа и, заулыбавшись, ответил:

– Отсутствует, Карл Поликарпыч, голубчик!

Он произнес последнее слово с жутким акцентом, так что у него вышло что-то вроде «калюпчик». Ключев подозревал, что это еще одна форма издевательства, которой он удостоился от этого нахала – в основном потому, что обычно Жак говорил на почти идеальном русском. Появившись в услужении у Шварца год назад, Жак стал звать фабриканта «Карпом Поликарповичем», и только Яков его приструнил, тут же нашел себе отдушину. И не придерешься ведь.

Не раз фабрикант за чаем и душевной беседой с другом спрашивал того – на что ему Жак? Фигура весьма сомнительная, если вдуматься. Начать с того, что этот фрукт имя имел французское, акценты менял чаще, чем модница шляпки, внешность у него была, как у франта из журнала, говорил про себя, что он грек, а фамилия у него была итальянская, Мозетти. Яков Гедеонович как-то рассказывал, что Жак, разведясь с женой, которая потребовала раздела имущества пополам, два года скрывался от нее и юристов, перебираясь из одной страны в другую, менял паспорта, а когда она его все-таки настигла, восхитился ее настойчивостью и выдал на руки, мелкими купюрами в чемодане, часть своего состояния. В то, что Жак мог бегать от жены, Карл Поликарпович верил безоговорочно, а вот насчет «состояния» сильно сомневался.

Словом, Жак был подозрительный тип с темным прошлым и мутными намерениями относительно будущего, по мнению Ключева.

– И когда будет? – спросил он у помощника Шварца.

– Они не сказали, – хмыкнул Жак, спускаясь по винтовой металлической лестнице. На полусогнутой руке он ловко удерживал поднос с чайником, четырьмя чашками и блюдцем, полным печенья. – Но ушли давно, и хозяин знает о вашем визите, так что... Пройдемте в гостиную, дождемся их, попивая ваш любимый черный с молоком.

Под «они» Жак подразумевал своего патрона, Якова Шварца, и второго помощника, молодого человека по имени Адам Ремси. Ключев предпочел бы, чтобы его встретил сдержан-

ный и вежливый Адам, а Жак бы отсутствовал вместе со Шварцем (если уж так не повезло прийти в отсутствие хозяина), или вовсе бы провалился. Но делать нечего, Карл Поликарпыч повесил шляпу на вешалку в виде фантазийной птицы, судя по виду, будто страдающей несварением желудка, и проследовал за Жаком.

– Хорошая нынче погода, – французо-греко-итальянец расставил чашки-блюда так расторопно, что можно было бы заподозрить за его плечами лет эдак десять службы в лакеях или официантах. – А то все лило, как из... как вы говорите, Карл Поликарпыч, калюпчик?

– Из ведра, – мрачно отозвался Клюев.

– Вот-вот. Хотя я никогда не понимал этого вашего русского выражения. В ведре воды хватит разве что одного человека намочить. Хотя на вас ушло бы полтора.

Клюев пропустил шпильку мимо ушей и сделал вид, что с интересом разглядывает комнату. Хотя частично интерес этот не был напускным – когда полтора года назад фабрикант выделил этот дом Шварцу, тот сотворил из обычного особняка какой-то фантазмагорический лабиринт, и постоянно что-то переделывал. Вот и сейчас Клюев заметил, что гостиная изменилась. Стены цвета горчицы, ранее девственно пустые, теперь были занавешены графиками, чертежами, кое-где наброски были нарисованы прямо на краске. Под потолком висели люстры, все разные – и длинные, обернутые алой тканью, из-за чего казалось, что это чьи-то гигантские внутренности, и хрустальные, и с бумажными абажурами. Появился новый агрегат – у стены, где раньше стоял сервант. Назначение этой машины Карлу Поликарповичу было неизвестно – он лишь мог предположить, разглядывая широкий раструб и коленца длинной трубы, что он делает что-то из чего-то.

– А, любуетесь машинкой, – Жак заметил взгляд фабриканта и довольно улыбнулся. Клеуеву показалось, что на пластичном, постоянно меняющемся и оттого казавшемся неискренним лице Жака промелькнуло живое чувство. – Наша малышка.

– И что она делает?

– Разные вещи. – Жак тут же вернул обычный свой вид, то есть такой, при коем у него даже цыганка не решилась бы что-то купить. – Яков Гедеонович расскажет.

Клюев кивнул и, закончив осмотр комнаты, подумал, что впечатление от нее такое, будто изобретения Шварца, размножаясь словно живые, расползаются по дому ночами, когда никто не видит. Сегодня кресло стоит, а завтра глядишь – колбы, колесики и стержни. Просыпаешься, а вокруг тебя стеклянные трубки фосфоресцируют, что-то скрипит, а вместо ноги – телескоп. Карл Поликарпович поежился и шикнул на разгулявшуюся фантазию.

Пытка жаковой напускной вежливостью продолжалась недолго – послышался скрип входной двери и голоса. Фабрикант с облегчением повернулся ко входу в гостиную. Посередине двери было окошко, что-то вроде иллюминатора, и в нем промелькнула ярко-рыжая шевелюра. «Яков», – с теплотой подумал Клюев.

Шварца он знал давно, еще с той поры, когда юный Яков проходил практику у него на заводе, но сдружились они года два с небольшим назад, в самом начале Проекта – накрепко. Фабрикант и сам не смог бы сказать, как это произошло. Умных студентов вокруг пруд пруди – это же Сайнс Айленд, по-ихнему, а по-русски «Научный Остров» – а также всевозможных механиков, изобретателей, ученых, сумасшедших, энтузиастов, гениев... А ведь Яков сразу выделился среди толпы. То ли взглядом, то ли, как модно сейчас говорить, «месмерическим притяжением». Похож он был на птенца страуса – ворох на голове, рассеянный взгляд, весь голенастый и нескладный, однако же горел в нем какой-то внутренний огонь. Клеуев взял его на фабрику, а уже через месяц выделил изобретателю целый особняк на русской улице, благо здание все равно грозились снести, чтобы построить то ли котельную, то ли мастерскую – жилым домам на Острове почета нет. Все должно служить делу науки. Сколько крови выпили у Клеуева чиновники из министерства – словами не передать. Он топорщил брови, тряс пальцем и

на ломаном своем английском уверял, что дом вовсе не «юзлесс». Теперь табличка на входе гласила: «Шварц Я.Г., русский изобретатель, часы и механизмы», и все было чин чинном.

– Яков, душа моя! – Карл Поликарпович распахнул объятия, не дав Шварцу и шанса избежать широко расставленных рук. Обнявшись, друзья сели за стол, и Клюев отхлебнул внезапно ставший вкусным и каким-то даже домашним чай. В присутствии Якова все менялось к лучшему.

Молодой секретарь Шварца, Адам, мялся у стенки. Карл Поликарпович, почувствовав стыд, что не сразу поздоровался, неожиданно для себя направился обниматься и с ним, чем смутил юношу еще больше.

– Полно тебе, Карлуша, – засмеялся Яков, – он таких реверансов боится. Да и ты крупный человеческий экземпляр... Садись, Адам. Бумаги подождут.

– Что за бумаги? – Клюев, только успев снова расслабиться на стуле, выпрямился. – Опять кровососы из министерства? Я ж им давеча все...

– Нет, Карлуша, не волнуйся. Груз пришел, на пароходе, на таможне застрял. Напутали что-то в накладных. Многоязычие здешнее совсем не облегчает жизнь. У нас там, в Империи, найдут какого-нибудь «толмача» из тех, кто в школе два класса английский учил через пень-колоду, он и напишет что-то вроде «метал лонг пис», а тут доказывай, что это wire, «провода».

– Что, так и написали? – ахнул Карл Поликарпович, который, признаться честно, и сам бы изрядно намучался с переводом, а лезть в карман за словарем малого формата, который его жена заставила носить, гордость бы не позволила.

– Ну, это я для примера, – пояснил Яков, откусывая кусок печенья. – Там посложнее слова, но суть я передал. Жак, посыльный не приходил?

Жак, в присутствии Шварца ставший необычайно тихим, встрепенулся и замотал головой.

– Странно... – сказал Яков, но тут подал голос Адам:

– Утром приходил. Вы спали. Жак сказал не будить. Я посылку взял, положил на столик во второй прихожей.

– Батюшки мои, тут еще и вторая прихожая есть? – изумился Клюев. – Когда успел, Яков?

– Настоящего изобретателя должно окружать постоянно меняющееся пространство, – со смехом ответил Шварц, – чтобы вдохновлять его, чтобы мозги не застаивались в рутине и однообразии. – Он повернулся к секретарю. – Хорошо, Адам, молодец. А тебе, Карл Поликарпович, я после чая покажу кое-что. Изобретение новое. Тебе понравится, уверен.

– Эту махину? – кивнул головой Клюев на агрегат у стены.

– Эту? Нет, это... а, неважно, недоделка. Нет, там похитрее механизм... Карлуша, прости дурака, я же так и не поинтересовался, ты ж не просто так пришел, записка тревожная была... Случилось что?

– А... – махнул рукой Карл Поликарпович. – Ерунда на постном масле. Переволновался я, раздул из мухи слона. Подождет... Ты лучше покажи новинку-то, не томи.

– Ну, тогда пойдем. Заваришь пока свежего, Жак?

– Конечно, Яков Гедеонович, – помощник тут же подскочил.

«Чем-то его Яков таким по струнке заставляет ходить», – мелькнуло в голове у Клюева, но тут же мысли его заняло новое изобретение друга и компаньона. Сказать по правде, Карл Поликарпович не раз начинал задумываться о странной покладистости Жака в присутствии Якова, но каждый раз отвлекался. Будто мешало что-то.

– Пойдем, пойдем, – поторопил его Шварц. – Ты меня напряжинил прямо, уже самому не терпится похвастаться.

Фабрикант прошел за Яковым по коридору с низким потолком, затем, поднявшись еще по одной винтовой лестнице на второй этаж, они вошли через двойные двери в мастерскую.

Если раньше Карлу Поликарповичу при виде приколотых к стенам схем и валяющихся колесиков пришло в голову, что изобретения расползаются по дому, то вполне понятно, почему первая его мысль при виде мастерской была: «Гнездо». Или, скорее, улей. Вдоль стен стояли высокие шкафы со множеством подписанных ящичков, где хранились мелкие детали. Огромное круглое окно, забранное толстым стеклом, рассеивало по мастерской тепло-желтые лучи полуденного солнца, но и электрического света хватало. Клюев сам выписал из Империи большой генератор для своего лучшего изобретателя, впрочем, Яков сразу же его «усовершенствовал». На фабрике у Карла Поликарповича до сих пор пользовались газовым освещением, но тут, у Шварца, все было по высшему разряду. В воздухе раздавался приятный, расслабляющий звон – что-то тикало и хрустело, щелкало, а затем, отражаясь в бесчисленном количестве стекла, множилось и множилось, создавая гул. Несколько столов были заставлены различными устройствами, да так густо, что глаза разбегались. Однако Клюев сразу заприметил на одном из них нечто высокое, накрытое белым полотном, и догадался – вот он, сюрприз.

Яков взлохматил рыжую шевелюру и с заговорщической улыбкой подошел к агрегату, уцепил пальцами в пятнах от химикатов край полотна, готовясь сдернуть.

– Та-дам! – Произнес он и с видом фокусника откинул ткань.

Взору Карла Поликарповича открылся аппарат – длинный, состоящий из полых стеклянных трубок, опутанных проводами, наверху он заканчивался медной колбой с крышечкой и носиком.

– Похоже на чайник... – упавшим голосом пробормотал Клюев.

– Это и есть чайник! – Яков с энтузиазмом покивал. – Только особенный. Смотри... сюда наливается вода. Здесь – часы... а тут, сзади, еще одни. Когда приходит время пить чай, колба нагревается, затем наклоняется и разливает кипяток.

– И? – все еще не понимая, в чем уникальность предмета, спросил Клюев.

– Но если запустить эти часы одновременно, однако поставить разное время... я планирую добавить третий механизм, чтобы чай разливался утром, днем, и вечером...

– Яшенька... – простонал Карл Поликарпович и уронил бессильно руки, которыми намеревался вцепиться в голову.

Незаметно подкравшийся Жак прошипел:

– «Яков»... Вы забываетесь, калюпчик.

Клюев в растерянности покивал, он и впрямь запомнил от расстройства, что другого его не любил никаких уменьшительно-ласкательных производных своего имени, и продолжил бегло:

– Яков, дорогой мой... но это же, по сути, просто чайник... А как же что-то... полезное? Вот в прошлый раз чудесная, чудесная сенокосилка была! Сама подхватывала, вязала, в снопы ставила! Крестьяне русские ноги бы вам пришли поцеловать, ежели б океан нас не разделял. А уж Император и вовсе грамоту выписал! А система очистки воды? Сколько городов вдохнуло свободно, без миазмов! Вена ее купила, Париж купил, даже Лондон купил, уж на что эти англичане снобы. А это? Ах, дорогой мой Яков, ты меня без ножа режешь...

Рыжий изобретатель посмотрел на поникшего Клюева с умилением, как на ребенка, который хотел деревянного пони, а получил действующую модель паровоза и сам своего счастья не понимает.

– Ну и что? – Жак подошел к аппарату и покрутил ручку сбоку. – Подумаешь, грамота... Да Яков Гедеонович каждые полгода гениальное что-нибудь создает, а вам все мало! Низкий, алчный вы человек, Карл Поликарпович...

Аппарат дзенькнул, но и только.

– Вы не понимаете, – Клюев отступил на шаг и таки обхватил толстыми пальцами виски. – Как раз поэтому... меня ж живьем съедят. Это не муха, это слон и есть, самый натуральный!

– Э-э-э, друг мой, успокойся, расскажи по порядку. – Яков подхватил Карла Поликарповича под локоть и потащил обратно – вернее, направил его к выходу, придавая верное направление. – Сейчас еще по чашечке, с пирожными... Жак, озаботься... И все расскажешь.

Облокотившись о стол, Клюев выпятил нижнюю губу и жалобно произнес:

– Меня закрыть хотят, Яков.

– Почему? – спокойно поинтересовался Шварц.

– Проверяющий был... а теперь вот бумаги пришли – мол, часы дело хорошее, но изобретать дальше некуда, конечный продукт, никакой пользы от фабрики... вот разве что маятниками да мелкими игрушками самодвижущимися продержаться какое-то время можно... а на мое место знаешь сколько охотников? Француз один, – Клюев покосился на Жака, – который систему химическую разработал... Из Нового света толпами просто Палату патентов осаждают, толпами – и все уже ходили вокруг фабрики моей, присматривались, руками махали, мол, тут сделаем дорогу железную, чтобы детали развозила, тут подъемники...

– Выпей чаю, Карл. Ты же сказал – ничего страшного?

– Так я... ох, нехорошо так поступать, наверное, тебя не спросив, но вся надежда на твою светлую голову, Яков. Я им сказал, что фабрика моя постепенно перестроится, чтобы тебе детали поставлять. Но сам понимаешь, масштаб огромен – одному человеку целое производство. В деньгах-то окупится, из Империи везти дороже выходит, но общественность выскочек не любит. И опять же, это же часы, часы, Яков. Отец мой ими занимался, дед, даже прадед. Еще в 1808 году во Франции открыли «Klueff Montre», если б не война, были б сейчас первые в мире... Ну и так – на третьем месте, престиж...

Яков и Жак переглянулись, помощник молча подлил заварки и кипятку в чашку фабриканта. А Клюев забормотал совсем уж жалко:

– Но и на это готов пойти, чтобы место тут сохранить. А ты мне... чайник. – Карл Поликарпович с такой ненавистью глянул на фарфоровый чайничек в руке Жака, что помощник вздрогнул и чуть пролил на скатерть. – Комиссию разве удивишь чаем три раза в день...

– Так ты об этом беспокоишься, – засмеялся Яков, и от его лучезарной улыбки на душе у Карла Поликарповича чуточку потеплело. – Будет тебе громкое изобретение, через несколько дней. Это, там, в мастерской – подарок тебе. Я же знаю, как ты чаевничать любишь...

И Шварц подмигнул. Тут уж Клюев не выдержал, сам улыбнулся и отхлебнул из чашки. Напиток снова стал вкусным, бодрящим. Все беды показались такими мелкими, по сравнению с тихой торжественностью момента, когда настоящая дружба побеждает страхи.

– Громкое? – обрадовано повторил фабрикант.

– Очень. – понизив голос, обещал Яков. – Бумкает будь здоров. Готово будет дней через пять. Но комиссии скажи, что через неделю – для верности. Если захотят – прямо тут, в лаборатории, устрой им демонстрацию. Уверяю, после нее тебя беспокоить никто даже не подумает.

Клюев успокоился, даже воспрял духом. Попытался было расспросить Якова об изобретении, в какой хоть отрасли то работает, но Шварц лишь загадочно улыбался, и похлопывал по плечу. Карлу Поликарповичу вручили аппарат с чайником наверху, показали, куда наливать воду и насыпать заварку. Яков позвал Адама, наказал проводить Клюева до двери – подмигнул в очередной раз, потер нос, шепнув: «Работа ждет», а Карл Поликарпович только рад был. Чем быстрее Яков доделает агрегат, тем скорее отстанут от него, Клюева. Полный радужных надежд, фабрикант покинул особняк, чуть не забыв шляпу – но расторопный Адам выбежал за ним на улицу, вернул, почистив на бегу щеткой.

Яков, когда Клюев ушел, долго сидел еще в кресле, держа блюдце на колене, попивал из чашки и шурился на запыленное окно. Подошел Жак, убрать посуду.

– А успеем за неделю? – спросил он, нагружая чашки неустойчивой башенкой на поднос.

– Постараемся, – ответил Яков. – Видишь, как оно повернулось.

– Может, ну его, этого Карпа-Карла? – наморщил нос Жак.

– Поздно спохватился. Теперь заново начинать возможности нет, время поджидает. – Яков усмехнулся. – «Время»... в нем-то все и дело. Мне ли тебе объяснять. В нашем деле точно выбранное время – половина успеха. Так что справимся, Жак. В конце концов, сделаем какую-нибудь пушку...

– Э, нет, мы же договаривались, никакого оружия... – Жак застыл у двери, чашки зазвенели, грозя скатиться с подноса.

– Сколько негодования, ты б себя слышал... – Яков встал, потянулся, и, подойдя к Жаку, добавил свою чашку с блюдцем в общую пирамиду. Та, как ни странно, сразу обрела устойчивость, дрожать перестала. – Да пошутил я, пошутил, ты ж меня знаешь... Пойду работать. И ты приходи.

– А... Адам?

– Рано ему пока. Пусть бумаги разберет. Цифры считать – одно, а творить, изобретать – совсем другое.

Визит второй

Джилли Кромби, корреспондент газеты «Новости островов Силли», остановилась посреди тротуара, раскрыла сумочку и принялась перебирать содержимое. Она точно помнила, что положила бумажку с адресом в боковой карман, но она куда-то запропастилась. Рядом буркнули «Посторонитесь, пожалуйста, мисс», она извинилась, не поднимая головы, и отошла к стене здания, продолжая поиски. И только спустя несколько секунд поняла, что к ней обратились на английском, что было редкостью – квартал-то был русским. Она посмотрела вслед уходящему мужчине, но успела заметить только спину – черный короткий пиджак, котелок и трость. Ну, уже хорошо. Тетины подруги пугали, что в русском квартале прямо по мостовой скачут «cossaks» с «nagaуka», гуляют медведи, но... в отличие от Российской Империи, морозы не сбивают с ног, ведь это остров Силли, Гольфстрим рядом. Она не призналась бы в подобных предрассудках, но в глубине души и впрямь ожидала варварских орд на улицах; однако ей стало немного спокойнее, когда она напонила себе, что находится, как ни крути, на территории Соединенного Королевства. В конечном счете, это она дома, а русские – гости. Как и все остальные...

Когда самые могущественные державы мира на заре нового века собрались и создали Проект, она только начинала работу в качестве журналиста местной газеты. До того знаменательного дня она думала, что ей катастрофически не повезло родиться на малюсеньком островке, словно отщепившемся то ли от Франции, то ли от Англии, и унесенном в море. Один городишко, три деревни. Жителей едва наберется, чтобы выпускать местную газету тиражом в пятьсот экземпляров, и надеяться, что покупают ее именно для того, чтобы читать, а не рыбу заворачивать или что похуже. Но всего три года назад судьба ее резко изменилась – остров был выбран путем жеребьевки из более чем тысячи претендентов, чтобы стать базой для самого, пожалуй, амбициозного и значительного проекта человечества со времен постройки Вавилонской башни. Так, кстати, называли остров Науки некоторые радикалы и крайние консерваторы – «Новая башня Вавилона», и предрекали ему ту же судьбу. Некоторые из них до сих пор пытались пробраться через несколько линий защиты, окружающей остров, чтобы устроить тут митинги и акции протеста. Последнюю удачную попытку совершила «Партия антимонополистов» год назад, но они успели только бросить парочку навозных бомб, расклеить плакаты, призывающие ученых вернуться по домам, и заслужить в газетах прозвище «Партия деградации».

А Проект рос, как на дрожжах. Строительство основных объектов завершили в рекордные сроки – всего за год. Вот что значит, когда за дело берутся сообща. Спустя еще год на большей части острова задымили фабрики и заводы... и, естественно, приехали журналисты со всего света. Каждая страна, участвующая в Проекте, присылала своих представителей, в том числе газетчиков. Но «Новости острова Силли» не уступили своих позиций чужакам. Пишите о научных открытиях сколько угодно, сказал главный редактор «Новостей», а также дядя Джилли, Майкрофт Кромби, а мы по-прежнему будем освещать события, происходящие на острове.

Джилли имела некоторую фору, как племянница редактора и владельца местной газеты, но она не смогла бы выжить в профессиональном море, полном опасностей, если б не обладала журналистским талантом, чутьем и напористостью. В этом году она была твердо намерена побороться за звание лучшего репортера острова, и именно для того, чтобы осуществить эту мечту, она пришла сегодня на главную улицу русского квартала – Николаевскую. Как выяснила Джилли, предпочитавшая тщательно готовиться перед интервью, улица была названа в честь русского царя. Найти ее было легко – самая длинная и широкая, остальные разбегались от нее, как трещинки от колеи. А вот дом... двадцать три? Тридцать два?

Отчаявшись найти бумажку с адресом, она решила положиться на свою память и удачу. Вскинув голову, она увидела табличку с цифрой «18» и решила идти, пока не дойдет до двадцать третьего номера. Фамилию изобретателя она запомнила, в крайнем случае постучит, и спросит, правильно ли пришла.

Дверь дома номер 23 по Николаевской была оборудована дверным глазком, массивной ручкой звонка и табличкой, свидетельствующей о том, что удача Джилл не изменила.

«Schwarz J.G. Russian inventor. Clock and machinery»

Джилли поправила шляпку, покрутила медную ручку и состроила на лице выражение, которое можно было бы описать как «я пришла восхищаться, излейте на меня ваше бесценное мнение». Такой был у нее подход – в то время как другие журналисты задавали вопросы, клещами вытягивая ответы, она, беззастенчиво пользуясь своей внешностью милой молодой особы, просто распахивала глаза, приоткрывала рот и слушала, слушала... Благо подавляющее большинство изобретателей были мужчинами. С женщинами тоже проблем не было, надо было только выглядеть дерзко и храбро, и они сразу же принимали ее за суфражистку. Пара фраз о борьбе за равноправие женщин, и изобретательницы выдавали секреты и делились своим видением роли женщины в науке.

Дверь открылась и Джилли увидела перед собой субъекта, настолько далекого от определения «ученый», насколько это было возможно. «Итальянец? – подумала Джилл, разглядывая из-под полей шляпки черную кучерявую голову мужчины. – Только у итальянцев такой откровенный, раздевающий взгляд». Незнакомец был красив, и более того – он был прекрасно об этом осведомлен, поскольку одевался довольно щеголевато и щурился самодовольно.

– Мисс Кромби? – На чистейшем английском спросил он.

– Да, это я. Газета «Новости островов...»

– Я в курсе. Проходите.

Очарование незнакомца сразу поумерилось, стоило ему развернуться к ней спиной и бесцеремонно удалиться куда-то вглубь дома. Спустя несколько секунд, когда Джилли вошла и попыталась рассмотреть прихожую, утопавшую во мраке, до нее донесся голос мужчины:

– Я – Жак. Мистер Шварц сейчас выйдет. Вешалка справа от вас.

Джилли сняла пелерину, чуть встряхнула ее, потому что на ней осела мелкая морось от тумана, и повесила ее на неестественно выгнутое крыло металлической сказочной птицы, которую обнаружила сбоку. Зябко потерла руки – погода на островах теплом не баловала. Достала блокнот, потом спрятала обратно в сумку. Потом снова достала. Спрятала.

Наконец, раздались шаги и в прихожую вошел хозяин лаборатории. Высокий, огненно-рыжий, с длинными руками и ногами, будто на поршнях. Тот самый русский ученый, о котором ходил слух, будто он скоро получит для своих нужд целый завод. Ничего особо привлекательного в нем не было, на вкус Джилли, однако же она бессознательно все равно поправила шляпку и улыбнулась.

– Мисс Кромби, рад вас видеть. Вы, наверное, продрогли. Пройдемте в гостиную, нас ждет чай и приятная беседа.

Девушка только кивнула и посеменила за изобретателем. Войдя через дверь с круглым окошком посередине, она постаралась не выдать своего изумления: гостиная была похожа скорее на лабораторию. Всюду графики, странные машины... Возможно ли, чтобы мистер Шварц проводил свои опыты там же, где и принимал гостей? Очень на то было похоже.

– Садитесь, вы совсем замерзли... – Хозяин заботливо подал Джилли плед, укрыть ноги, и поставил на стол пару чашек; над ними клубился пар, расходясь по комнате завитками, пахнущими клубникой. – Настоящая английская погода, да? Вполне понятно, почему у англичан принято разговаривать о ней за столом, да и вообще часто упоминать в беседе – невозможно удержаться от того, чтобы не пожаловаться на сырость, или порадоваться редкому солнцу. Булочек с маслом?

Джилли, смутившись, покачала головой. Новая диета категорически запрещала сдобу. Девушка придерживалась ее уже два дня, и пока стойко сопротивлялась искушениям. Она вежливо сделала глоток чая, удивилась тому, насколько он вкусный и крепкий, а затем, порывшись в сумочке, достала блокнот и выложила на стол три остро заточенных карандаша, в рядок, очень аккуратно. Взяла один из них и улыбнулась мистеру Шварцу как можно обаятельнее.

– Газета «Новости островов Силли», мистер Шварц, скажите...

– А вы знаете, откуда пошло название этих островов? – Внезапно перебил ее хозяин. И, лукаво глядя на девушку, улыбнулся в ответ. – Это острова Сциллы, того самого чудовища – знакомы с древнегреческой мифологией?

Джилли читала в детстве адаптированную версию «Подвигов Геракла», и помнила смутно о львиной шкуре, конюшнях и каких-то птицах; потому неуверенно покачала головой.

– Если верить мифам, где-то неподалеку живет и второе чудовище, Харибда. А Сцилла была прекрасной девушкой, которую волшебница Церцея отравила, обратив в чудовище. Но что это я... вы же хотели задать мне какой-то вопрос?

Джилли, растерявшись от перемены темы, брякнула первое, что пришло в голову, ощущая, что звание лучшего корреспондента острова стремительно превращается в недостижимую мечту.

– Да-да... Наука – это очень сложно?

– Хм... Это очень сложный вопрос. – Мистер Шварц посмотрел на журналистку без тени усмешки. – Позвольте, я начну немного издалека. Вот, возьмем довольно распространенное мнение общества о том, что толстяки должны быть добрыми и веселыми.

Джилли вздрогнула и чуть подалась вперед. «Какое удивительное совпадение», – подумала девушка.

Буквально на днях тетя, жена дяди, ей прочла длинную лекцию о том, как должна вести себя девушка, чья внешность «далека от идеала». Джилл была уверена, что ей вовсе не обязательно стремиться стать томной худосочной красоткой с кругами под глазами, курить сигаретки в мундштуках и нюхать кокаин – для бледности и худобы, как сейчас было модно, о чем и сказала тете, на что получила ответ: «Раз уж твои объемы больше, чем следовало, по крайней мере, не будь буквой. Возможно, ты найдешь жениха, если будешь милой и легкой в общении». Только под давлением тети Джилл согласилась на строгую диету, чтобы перейти из «толстеньких» в категорию «пухленьких», и то корила себя за малодушие, то убеждала в том, что с новым платьем на размер меньше жизнь и правда станет лучше.

Тем временем Шварц продолжал развивать свою мысль, нарезая булочку на тарелке и неспешно намазывая ее маслом – толстыми, блестящими пластами масла, желтого и свежего.

– Люди считают, что раз уж кто-то отходит от современных понятий о красоте, то должен уравновесить это приятностью характера. Точно так же раньше слишком хрупким девушкам говорили – возможно, восемь из десяти твоих детей умрут во время родов, но остальным ты, с твоим умом, дашь хорошее образование. Булочку?

– Да, пожалуй. – Как замороженная, Джилли приняла из рук ученого угощение и, откусив, стала медленно жевать.

– То же с наукой, – Шварц довольно сощурился. – Наука, знаете ли, проистекает из хаоса. Но люди боятся неопределенности, неорганизованности, и потому надевают на науку одежду логики и последовательности. Мешает ли это разглядеть собственно рождение новых идей? Да, конечно – ведь они появляются на свет в прокрустовом ложе порядка. И вот опять мы вернулись к мифологии. Вам известна история Прокруста?

– М-м, – снова покачала головой Джилли.

– Так звали разбойника, что устроился на дороге между Мегарой и Афинами. Он подстергал неосторожных путников и, уложив их на специальное ложе, слишком высоких «укорачивал», обрубая ноги, а слишком, по его мнению, низких – растягивал. Такой вот древнегре-

ческий аналог демона – гипотетического, конечно – Максвелла, который пропускает из сосуда с газом только быстрые молекулы. И, совершив круг, мы вновь вернулись к науке. Забавно, верно? Наука тесно связана с мифом, вот мое мнение.

«Наука – это миф», – вывела первую фразу в блокноте Джилл, не отрывая взгляда от ученого.

– Может, показать вам мое последнее изобретение?

Журналистка оживилась и вскочила со стула. Стыд какой – чуть было не заснула в гостях, глаза уже стали слипаться. Она украдкой ущипнула себя за запястье.

– Пройдемте... – Шварц повел рукой в сторону неприметной дверцы в стене, не той, через которую они прошли сюда. Эта была металлической, с заклепками. Когда ученый открыл ее, Джилл ощутила всем телом некий гул, даже пол под ногами задрожал. Следуя за Шварцем, она прошла длинным, темным коридором с низким потолком – долговязый изобретатель был вынужден скрючиться, сложившись почти пополам, а ей пришлось снять шляпку. Огромное помещение, в котором они оказались, поразило ее: она не раз, благодаря своей профессии, видела различные лаборатории, но эта не была похожа ни на одну из них, и вместе с тем являлась смещением всего странного, крутящегося, дребезжащего, что видела в подобных местах Джилли. Гигантское окно, запотевшее и покрытое мелкими капельками, пропускало все же достаточно света. Кое-где прямо из пола вверх поднимались цепи, теряясь в отверстиях, справа от входа мерно поднимался и опускался насос. На многочисленных столах стояли различные изобретения, о назначении которых девушка могла лишь догадываться. Она подошла к одному из них – большой треноге, на которой лежала колба с пузырящейся синей жидкостью. Рядом на подставке трещал и искрился полированный шар размером с кулак. Воздух пах озоном, разогретым металлом, известью и почему-то корицей.

– Осторожно, – предупредил Шварц, а Джилл зачеркала в блокноте. – Это кислота. Позвольте, я возьму вас под руку.

И он повлек ее к дальней части помещения, лавируя между столами. Скрипнула дверь, и в лабораторию вошел тот, чернявый, что встретил журналистку. «Как же его зовут? Жан? Жакоб?», – подумала Джилл. В одной руке он держал кухонную лопатку, в другой – пучок проводов.

– А вот и Жак, – прокомментировал появление своего помощника ученый. – Как у вас дела?

– Адам печет булочки, я борюсь с лампами наверху. О... – Жак уставился на Джилл, будто видит ее впервые – с удивлением и даже некоторой неприязнью. – Газетчица еще здесь? То есть, мисс Кромби.

– Я показываю ей лабораторию. И хочу сделать подарок. – Шварц поднял со стола какую-то деталь и, к ужасу Джилл, запустил ее в помощника. Тот ловко увернулся и медная трубка с грохотом ударилась в стену. – Исчезни.

Помощник оскалился в улыбке и нырнул за массивный шкаф. Джилли подняла беспомощный взгляд на ученого, и тот поспешил ее успокоить:

– Ничего страшного. Он может быть и милым, когда захочет, но сегодня, видимо, встал не с той ноги. Ах да, подарок. Достаточно небольшой, но все же не настолько, чтобы вы сами его унесли, так что я пошлю Адама вас проводить.

Шварц подвел девушку к столу, сдернул белую ткань с какого-то агрегата, улыбаясь с видом крайнего удовлетворения, словно дядюшка, преподнесший подарок на Рождество. Джилл уставилась на странную конструкцию из трубок, оплетенных металлической проволокой, с чайничком наверху. Недоуменно закусила кончик карандаша.

– Аппарат этот очень прост в использовании. Я пока не придумал ему название – разрываюсь между «Чаеразливалкой» и «Часо-чайником». Хотя, можно дать ему имя, не имеющее отношения к его функциям, просто красивое и звучное. Например, «Сцилла». Вы заме-

тили, что многие называют свои компании, либо же изобретения именами, взятыми из книг, нисколько при этом не интересуясь смыслом или же происхождением оных? Я, например, недавно видел магазин модной одежды на Виндзор-стрит, он назывался «Фобос». И его владелец, судя по всему, поленился открыть словарь и прочитать, что в переводе с греческого это значит «Ужас», и подобное имя носил один из сыновей Марса, или же Ареса, бога войны. А мы... – тут Шварц заговорщически подмигнул Джилл, – назовем так наш аппарат сознательно. Это будет наш маленький акт сарказма.

– Но что он делает? – тихо спросила девушка, обходя изобретение.

– Разливает чай. В пять часов пополудни, как и полагается. Видите – там есть часы? Даже два часовых механизма, при желании можно выставить другие на утро. Ставите стрелку будильника на пять... заводите часы. И – time'o'clock, чайник разогревается, а затем наливает чай, остается только подставить чашку.

– Это... прелестная вещица, но, право, я не могу...

– Очень даже можете, мисс Кромби. Отказа я не приму. Передавайте привет дядюшке, со всем уважением.

Шварц достал из кармана колокольчик, позвонил. Менее чем через минуту (в которую мысли Джилл были заняты сочинением подходящего повода отказать от подарка) в лабораторию зашел молодой человек приятной наружности, в хорошо сшитом костюме. Волосы его и руки были в муке.

– Проводи мисс Кромби домой, Адам, – попросил ученый. – И возьми с собой ее подарок, вот он. Заверни хорошенько, чтобы не разбить, и инструкцию положи внутрь упаковки.

Дальнейшее – возвращение в прихожую, сборы, прощание с ученым, – Джилл помнила смутно. В память врезалось почему-то, как она стояла у зеркала и пыталась в полутьме приколоть булавками шляпку, а та все сползала, да то, как шелестела обертка из бумаги, в которую был завернут подарок. Мистер Адам терпеливо ждал, пока Джилл накинет пелерину, затем вежливо открыл перед ней дверь.

На улице оказалось неожиданно свежо, и журналистка глубоко вздохнула, испытав облегчение – хотя, находясь в доме, и не подумала бы, что там душно. Она зашагала по тротуару, слегка влажному и чисто выметенному – лишь несколько желтых листьев прилипло к бордюру.

– И как вам... работать у мистера Шварца? – вежливо поинтересовалась Джилл, запрокидывая голову, чтобы взглянуть в лицо Адама.

– Хорошо, – ровно ответил тот, и покрепче прижал к груди подарок. – Очень хорошо.

– А сами вы открытия делали?

– Я... – Джилл показалось, что молодой человек с трудом подбирает слова. – Я... не способен. Извините.

– О... это, конечно, не ваша вина. Должен быть талант... но у вас он, наверное, лежит в другой плоскости?

– Лежит. – Задумчиво подтвердил Адам. – В землю не зарыт. Я стараюсь. – И вдруг: – Булочки вкусные?

Джилл моментально покраснела, уши стали горячими. «Издевается», – подумала она, но взглянув в лицо юноши, натолкнулась на добродушный, открытый взгляд. И, неожиданно для себя самой, спросила:

– Я вам нравлюсь?

Тот, прежде чем ответить, подумал. И это Джилл понравилось. Значит, не просто вежливая отговорка, или галантность, он ответит честно.

– Да. – Сказал Адам. – Вы приятная личность, очень.

Девушка кивнула и зашагала дальше. Мимо проехала ровным строем русская конная полиция – те самые казаки; только, в отличие от страшных рассказов вполне милые, улыбочивые и одновременно строгие.

- Булочки очень вкусные, – сказала после паузы Джилл. – А вы давно здесь живете?
- Пару лет. – Ответил Адам. – А вы?
- всю мою жизнь...

И в который раз удивляя саму себя, Джилл внезапно стала рассказывать молодому человеку о детстве, о том как собирала ракушки на пляжах острова Святой Марии, самом большом из архипелага; как собралась уходить в море с рыбаками, и отец поймал ее на самом причале, и потом долго не мог объяснить плачущей девочке, что усатые, пахнущие солью дяди просто пошутили. О том, как отец умер и ее взял к себе дядя, и научил всему, что она знает. Как она написала первую свою статью – в тринадцать лет. Она была посвящена поэтическому вечеру, который ежегодно проводился в городке, и как она изо всех сил старалась написать «по-взрослому», а потому ругала старых напыщенных чтецов на все лады, и как дядя объяснил ей, что значит «журналистская вежливость». Они все шли и шли через сентябрьское утро, и Джилл радовалась тому, что до дома целых две мили... а если сделать крюк по набережной, то прогулка затянется еще на полчаса...

Чайки резко падали вниз, будто собирались воткнуться головой в булыжники и совершить самоубийство, потом делали крутой разворот и, подхватив рыбешку из воды, взмывали вверх. Темные камни набережной, в белых соляных потеках, выстроились стройной дугой, уходящей к мысу. С моря дул сильный ветер, и волосы Джилл выбились из-под шляпки, но она не замечала ни брызг на лице, ни мокрых ног. Адам оказался прекрасным слушателем. Они прошли по набережной, свернули в каштановую аллею и поднялись на холм, укрытый от ветров каменными валунами в форме зубьев, выстроившимися в ряд на краю обрыва.

– Ну вот, я и дома, – с сожалением сказала Джилл, когда перед ними возник двухэтажный особняк с красными кирпичными стенами, окруженный разросшимся цветником. – Спасибо, что проводили, и... за все.

– Вам спасибо. Мне было очень приятно.

– Дальше я сама. – Джилл смутилась, протянула руки к свертку, но Адам покачал головой:

– Мистер Шварц сказал проводить до самого крыльца.

– Хорошо.

У двери Адам вручил ей с поклоном подарок, приподнял шляпу и с открытой улыбкой произнес:

– Хорошего дня, мисс Кромби.

– Джилл... мисс Джилл, – поправила его девушка.

Он еще раз тронул край шляпы, развернулся и зашагал прочь. Джилл еще какое-то время стояла, глядя ему вслед, затем вздохнула и, достав ключ из сумочки, открыла дверь. В прихожей она поставила «Скиллу» на стол для почты; увидев в зеркале свою лохматую голову, сорвала шляпку и пригладила намокшие пряди.

– Позорище, – ласково пожурела она свое отражение.

Оставив подарок на столе, она сняла пелерину и прошла в гостиную, где упала с мечтательной улыбкой в объятия мягкого, глубокого кожаного кресла. Вздохнув, она неторопливо достала из сумочки блокнот. Работать совершенно не хотелось, но статья нужна уже к вечеру... С минуту Джилл смотрела на первый лист блокнота остановившимся взглядом. Почерк принадлежал ей, без всякого сомнения, но вместо стенографических значков, там было написано всего несколько строк.

«Наука – это миф»

«вкусный чай»

«осторожно»

«исчезни»

«Ужас»

«привет дядюшке»

Визит третий

С утра Карл Поликарпович успел и на фабрике побывать, и с рабочими переговорить, и документами заняться. И вот наступило время чаепития, а к нему Карл Поликарпович подходил со всей серьезностью. Он, вернувшись в свой особнячок на Матвеевской 32, переоделся в домашний теплый халат, простеганный ватой, усаживался у камина в кресло и читал утренние газеты и почту.

Аппарат, подаренный Шварцем, оказался превосходной вещью. Он исправно кипятил и заваривал чай, разливал его по чашкам – разобравшись в инструкции, Ключев каждый день дивился умению Якова сотворить «что-то этакое». Чайничек вращался на верхушке вокруг своей оси, чашки, установленные у основания на небольших подставках, поднимались хитрым механизмом по спирали вокруг «башни» из трубок, которые в свою очередь красиво пропускали внутри снопы пузырьков, чуть слышно побулькивая. Достигнув верха, чашки оставались, подставляя нутро, которое тут же заполнялось коричневым ароматным напитком. После чего чашку надо было снять, а подставка «уезжала» вниз.

В русском «Научном журнале» писали о том, что в Империи выдалось урожайное лето, что Правительство собирается снизить пошлины на ввозимые с Острова товары, а Университет готовит новые группы студентов для отправки за границу. Мимоходом упоминался конфликт между Сербией и Австро-Венгрией: его, наконец-то, разрешили в Гааге полюбовно. Германия и Российская Империя договорились между собой, Австро-Венгрия получила извинения и виновных в убийстве эрц-герцога Фердинанда и заодно Сербию в подарочной упаковке. В свете этих событий следующая новость о том, что Германия получает на Острове Науки льготы на расселение и исследования, Карла Поликарповича не удивила. На последних страницах журнала размещалась небольшая заметка, привлекавшая его внимание. Скончался сын Густава Беккера, Поль, не оставив наследников. Отец Ключева, Поликарп Иванович, называл Густава лучшим часовщиком в мире, и добавлял, что в молодости чуть было не устроился работать у него в мастерской в Фрайбурге, но семья отказалась уезжать из России. «Как бы повернулась наша с тобой судьба, если б я Варвару уговорил, неизвестно», – повторял Поликарп Иванович. Вообще отец Карла считал немцев лучшими механиками, и приводил в пример мужчин их семьи. Ключевы и сами родом были из Германии – более чем за полтора столетия до рождения Карла Поликарповича, его предок перебрался в Россию «под крыло» к Петру Великому. Фамилия его тогда была Kluwe и в русский язык переместилась почти без изменений.

Ключев тяжело вздохнул с сожалением, поскольку и сам наследника не имел, да и печально было от такой новости, но пометку мысленную сделал – узнать через свои каналы, как там держится фирма Беккера. Может, настало время выдвинуться вперед? Тем более что Шварц изобрел такое чудо...

Не успев как следует поразмыслить об изобретателе и новых перспективах, Карл Поликарпович услышал в прихожей звонок. Он поерзал в кресле, прислушиваясь к тишине дома, потом крикнул:

– Марта!

Экономка то ли ушла по делам, то ли не слышала звонка, а Настасья Львовна, жена Ключева, была на еженедельном собрании «Женского общества». Ворча, фабрикант выбрался из кресла и пошел открывать сам. За дверью, под огромным черным зонтом, от которого со звонким стуком отскакивали капли дождя, стоял улыбающийся Шварц собственной персоной.

«Помяни черта...», – промелькнуло в голове у Ключева, но он тут же устыдился своих мыслей.

– Яков, как я рад! Не ожидал...

– Как снег на голову, Карл, признаю. Что ж, впустишь?

– Конечно! Проходи, дорогой мой! – Карл Поликарпович посторонился, впуская гостя. – Бабы мои как сквозь землю провалились... а я твоей машинкой пользуюсь, очень мне нравится. Изобретатель сложил и отряхнул зонт, вошел в прихожую и опустил его на подставку.

– Я бы сейчас выпил горячего, Карл, – признался он с виноватой улыбкой. – И еще раз прости, что без предупреждения. Не мог себе отказать в удовольствии – про меня статья вышла.

Он похлопал по груди, во внутреннем кармане пальто захрустело.

Усевшись в гостиную, друзья с удовольствием выпили чаю, и, наконец, Шварц развернул газету.

– Тут на английском, Карл, так что буду тебе читать с переводом. Кстати, сразу к тебе вопрос – уж не ты ли прислал эту журналистку?

– Нет, Яков, и без меня слухами земля полнится, – хитро улыбаясь, ответил Клюев. – Ты у нас самый перспективный молодой ученый. Там, глядишь, после статьи и в Совет Представителей войдешь.

Этим предположением Карл Поликарпович, честно говоря, польстил другу. Если дело касалось науки, изобретений и механизмов, тут Яков мог кого угодно за пояс заткнуть. Но вот в политике был «ни в зуб ногой». Шварц будто прочел его мысли и замахал в ужасе руками:

– Бог с тобой, Карл! Уж лучше ты... я там запутаюсь, наворочу дел. Мне оставь мои машинки, а управлять – это твое призвание.

– Ну, до избрания в Совет далеко, это я так прибавил, для красного словца, – смутился Клюев. – Хороши мы, уже должности делим, а между тем даже от комиссии еще не отбились...

Шварц намек на свое новое изобретение пропустил мимо ушей; набив рот печеньем, замычал довольно. Прожевав, добавил:

– Если предложат – к тебе направлю. Скажу – мой друг Клюев сочетает в себе и острый ум, и руководящие способности... что чистая правда. Ну, о статье. Автор – Джиллиан Кромби. Приятная молодая особа. Точно не ты прислал?

Фабрикант замотал головой и, скрестив пальцы на животе, приготовился слушать.

– «На острове Святой Марии, уже в течение трех лет известном всему миру как «Остров Науки», в самом противоречивом и многообещающем секторе, представленном русскими исследователями, появилась фигура, привлекающая внимание не только ученой верхушки, но и корреспондента нашей газеты. Фигура эта – русский исследователь Джейкоб Шварц... Джейкоб – это наш «Яков» по-английски... «Этот молодой человек возник словно из ниоткуда, сразу захватив умы общественности яркими, новаторскими изобретениями...»

Карл Поликарпович слушал и кивал, соглашаясь с каждым словом. Якову он сказал правду – о журналистке до сегодняшнего дня он и слухом не слыхивал, да и газету их не покупал, поскольку с языком были трудности. Статья была выдержана в восхищенно-легком стиле: мисс Кромби рассыпала восторги, но делала это так естественно, умеренно и уважительно, что назвать статью «льстивой» не повернулся бы язык.

Яков дочитал, сложил газету и потянулся за печеньем.

– Что скажешь, Карлуша?

– Хорошо пишет. Хвалит, но не подлизывается. – Ответил фабрикант. – И правда, не имею я к этому отношения, – добавил Клюев, заметив, что Шварц смотрит на него испытующе. – Не знаю я этих Кромби. Как бы я с ней договорился? Картинки нарисовал? Ты ж знаешь, я по-ихнему только «плиз» да «сеньку» знаю.

– Верю, верю. – Засмеялся ученый. – От твоего «сеньки» Жака в дрожь бросает, а он ко всякому привычный... Но то, что ты не знаком с таким добропорядочным и весьма полезным семейством – большое упущение. Знаешь что, друг мой? Одевайся, да поедem к ним, нанесем визит вежливости. Адам как раз в машине на улице ждет.

– Стоит ли... – засомневался Карл Поликарпович, но исключительно из лени, потому что пригрелся уже в домашнем халате, и от чаю разомлел.

– Стоит, стоит. – Твердо сказал Яков. – После такой статьи даже простого «сеньку» не сказать – это никуда не годится. Я в прихожей подожду тебя.

Карл Поликарпович постарался не ударить в грязь лицом, оделся даже можно сказать, что шикарно. Яков вон, заметил он, тоже с иголки – пальто двубортное, цилиндр, темно-серые брюки в полоску, визитка и галстук шелковый. Небось без предупреждения – это он к Ключеву, чтобы вроде между делом предложить прогуляться; а газетчику заранее записку послал. «Яков, шельмец, – с теплотой подумал Ключев, – знает меня, как облупленного. Я бы точно, узнав о его планах, отговорку бы нашел...».

Фабрикант выбрал старомодный сюртук вместо визитки, из дорогой ткани; ботинки поудобнее, пусть и не такие начищенные, как у Якова, и, повязав темно-зеленый галстук, вышел в переднюю.

– Готов я к твоей эскападе, – сказал Ключев, снимая с вешалки крылатку, и опасливо добавил: – А Жак где?

– Работает, – просто ответил Яков, самым тоном показывая, что обсуждать больше нечего. Затем вышел на крыльцо и открыл зонт.

– Придется пройтись, тут мостовую ремонтируют, я машину оставил чуть дальше по улице.

– Ничего, – засовывая голову под зонт, великодушно ответил Ключев. – В тесноте, да не в обиде.

Паровой мобиль, пыхтя и покачиваясь на рессорах, стоял шагах в пятидесяти выше по Николаевской. Окна запотели, ведь внутри было тепло – оставшийся присматривать за машиной Адам, как и полагалось, подбрасывал угля и следил за давлением. С такими машинами нужно было точно рассчитывать время – либо заходить в гости или по делам ненадолго, оставляя внутри водителя, чтоб не давал двигателю остыть, либо уж на полдня, и заранее подгадывать розжиг угля и нагрев котла. В связи с постепенным увеличением количества таких паромобилей не только среди богачей и высшего света, возникли даже понятия – «визит на топку», «визит на пол-топки» и «визит с разогревом».

– Жалко парнишку, – сказал Карл Поликарпович. – Эх, изобрел бы кто, чтобы не приходилось никому торчать внутри мобиля этого...

– Правду говоришь, Карл. Неудобно это, да и зазря человек простаивает, а мог бы в удобстве чай на кухне пить. А что... – протянул задумчиво Шварц. – Может, я и изобрету... Как думаешь, Императору понравится? Даст мне грамоту? – Уже шутливо продолжил ученый.

– Ну никакого пиетету в тебе нет, – пожурил его Карл Поликарпович. – Даст, конечно, куда он денется.

Мужчины забрались в паромобиль, где было так жарко, что они тут же скинули пальто.

– Все в порядке, Адам? – спросил Шварц.

– Да. – Как всегда сдержанно ответил помощник. – Едем к мистеру Кромби?

– Едем!

Мотор загудел, а весьма развеселившийся Яков, приобняв Ключева за плечи, затянул новомодный романс, нарочито трагично-дурашливо, но приятным по звучанию тенором:

– Как грустно, туманно кругом, тосклив, безотраден мой путь! А прошлое кажется сном, томит наболевшую грудь!

Карл Поликарпович подхватил басом:

– Ямщик, не гони лошадей! Мне некуда больше спешить...

Визит четвертый

Адам чуть приоткрыл боковое окошко во время поездки, и за стеклами стал проявляться пейзаж. Крупные валуны, покрытые, словно папиной, мхом; зубья скал и крутые склоны холмов. Карлу Поликарповичу нравились здешние места – чем-то напоминали Карелию, куда они с отцом часто ездили, когда он был ребенком, разве что елей и сосен было поменьше. И все же, ему не хватало родных просторов, простых, из средней России – с полями, березками и широкими реками... На столе у себя Клюев держал в рамке открытку из журнала «Природа», который выпускала Российская Академия Наук – поле с рожью, золотое, небо синее и тоненькая березка в дымке зеленой листвы. И часто любил шутить, что, мол, только из-за таких вот вкладок журнал имеет хоть какую-то популярность среди русского квартала на Острове – публиковали там всякую устаревшую, с точки зрения здешних ученых, ерунду. Но тоска по родине была сильна, и «Природу» буквально вырывали из рук, ведь в каждом номере можно было найти милые сердцу ландшафты. Ели в тяжелых снежных шубах, Волга, домики русские... Только два журнала не были раскуплены за эти три года – с портретом зоолога Вагнера и пятиногой коровой.

– Эх, березки... – ностальгически протянул Карл Поликарпович.

Яков сразу же понял, о чем он, и поддакнул:

– Да, я тебя понимаю. Хотя мне здешний пейзаж близок.

– Это как?

– А я вырос в Карелии. – Признался Яков.

Карл Поликарпович обрадовался. Хотя Шварц и был ему близким другом, он о нем почти ничего не знал. Яков не любил распространяться о детстве либо юношестве.

– Вот так совпадение, меня отец возил туда каждое лето... погоди-ка, да, в начале семидесятых. Да, тебя-то и на свете еще не было... Красиво там у вас. А когда уехал?

Яков помолчал, протер рукавом заново запотевшее окно и сказал:

– Вот и дом Кромби, приехали. Адам, заведешь паромобиль в гараж и присоединяйся к нам.

Карл Поликарпович, раз уж друг откровенничать не захотел, уткнулся носом в стекло: и правда, подъезжали. Дом красного кирпича в колониальном стиле стоял на высоком холме, мобиль загудел сильнее, взбираясь по склону. Слева от дома видны были скалы, что защищали его от непогоды. Стены особняка покрывал вечнозеленый плющ.

Клюев с Шварцем вышли из машины. Дождь уже не лил, а слабо моросил, потому они по посыпанной песком дорожке перед домом торопливо прошли ко входу, не раскрывая зонта. Усы Карла Поликарповича, несмотря на то, что перед выходом он их нафабрил, печально обвисли – слишком большая влажность была в воздухе. Остановившись под портиком, мужчины переглянулись, и Клюев махнул рукой, пропуская Шварца вперед. Хорошенькая служанка открыла им дверь, приняла верхнюю одежду и проводила в гостиную, где уже был накрыт чайный столик. Карл Поликарпович оценил изящный фарфоровый сервиз и то, что он был поставлен заранее. Вошли хозяин дома с женой; Клюев с изобретателем вскочили с дивана и церемонно поклонились. Мистер Кромби поздоровался, спросил, как добрались – Шварц перевел.

– Хорошо доехали, – прижал руку к сердцу фабрикант.

– Very good, thank you. – Сказал Яков.

Дальнейший разговор проходил за чаем и – мимо Карла Поликарповича. Он вполуха слушал перевод Якова, вежливо кивал и улыбался, когда чувствовал, что это необходимо. К ним присоединился Адам. Он устроился на краешке дивана, как выразился бы Клюев – «словно бедный родственник», и держал перед собой чашку, как щит. Молодой человек, правда, ожи-

вился, когда вошла дочь хозяев, та самая журналистка. Наметанным глазом Клюев определил – зазноба. Не просто так блюдец в руках Адама задрожало. Шварцу, это кажется, не понравилось – он строго посмотрел на помощника, и тот потупился.

Затем все перешли в столовую, где Карл Поликарпович отвел душеньку. Угощение было на славу – суп, рыба с овощами, потом мясо, всякие закуски. Клюев подобрел, и с помощью Якова принялся рассказывать супругам Кромби рецепт русского борща. Девушка Джилли сидела по правую руку от него, комкала салфетку и почти ничего не ела. А потом и вовсе отпросилась подышать воздухом, видимо, английские девушки не испытывают такого интереса к готовке, как русские, решил Клюев.

Джилл и правда не особо вслушивалась в сбивчивый рассказ русского фабриканта. Такое количество капусты и свеклы восторга не вызывало, да и интерес ее сегодня лежал в области, лишь относительно близкой к домоводству. Она бросала на Адама заговорщические взгляды, но тот, кажется, только больше краснел и смущался. Наконец она, заявив, что выйдет прогуляться, благо даже солнышко выглянуло, пнула под столом ногу Адама, чтобы тот не пропустил намека. Молодой джентльмен лишь вздрогнул.

– Мистер Адам, составите мне компанию? – Напрямую спросила его Джилл.

Отказать он не мог, если не хотел прослыть невежей, потому пролепетал согласие и выбрался из-за стола. «Наверное, это он при хозяевах такой скромный, – подумала Джилли, – вчера, на набережной, он был куда естественнее».

Она накинула шаль и, взяв под руку Адама, повлекла его к задней двери, откуда можно было выйти в небольшой сад, спускавшийся по пологому склону холма. Распелись птицы, от земли валил парок – под все еще теплыми лучами солнца влага начала испаряться.

– Вы читали мою статью? – Спросила Джилли чинно.

Когда вчера она обнаружила, что вместо записей об интервью в блокноте лишь несколько обрывочных слов, поначалу по спине у нее пробежали мурашки. Но потом она убедила себя, что просто ей стало немного дурно в духоте лаборатории, или она надышалась каких-то паров – в общем, ничего особенного, а статью можно написать и вечером, основываясь на впечатлениях. А они были самыми наилучшими. Да, конечно, изобретатель мистер Шварц был несколько эксцентричным субъектом – но кто из ученых может похвастать скучным, обыденным поведением? Поэтому Джилл взяла себя в руки и написала статью всего за час, а потом отправила ее с посыльным в редакцию, дяде. Уже утром, развернув свежую газету, и перечитав написанное, Джилл и думать забыла о том странном, неприятном чувстве, что кольнуло ее при виде слов «осторожно, исчезни».

– Пока не успел, – признался Адам. – Но обязательно прочитаю.

Они прошли мимо розовых кустов, поздний сорт – желтые и крупные лепестки усеяли дорожку, но немало их осталось на цветах.

– Ваша фамилия Ремси, ведь так? Вы англичанин? Американец?

– Я... – Адам замялся. – Давайте лучше поговорим о вас. Вы вчера так чудесно рассказывали о своем детстве...

Карл Поликарпович, нарисовав на салфетке галушки, откинулся на спинку стула и расслабился: он сделал для межнациональной дружбы все что мог – с помощью Якова, разумеется. Кстати, о Якове – тот, похоже, нервничал. Он задал хозяевам какой-то вопрос, мистер Кромби засмеялся, и ответил, легкомысленно махнув рукой. Клюев с интересом наблюдал за пантомимой, разыгрывающейся перед ним. Вот Шварц привстал, обеспокоенно нахмурившись. Миссис Кромби затараторила, положив руку ему на плечо, и почти силой усадила его на место. Яков подчинился, поглядывая на дверь, куда удалился Адам. «Беспокойтесь за секретаря, – догадался фабрикант. – Что ж он думает, эта девушка его украдет, что ли? Английские девы,

уж чем в чем, а в этикетке толк знают. Год пройдет, прежде чем она позволит молодому Адаму поцеловать ее в щечку, и то краснеть будет, как свекла... кстати, о свекле...».

Карл Поликарпович махнул рукой Якову, привлекая его внимание.

– Яков, душа моя, скажи, пожалуйста, хозяевам, я тут забыл кое-что. Свеклу надо тоненько нарезать...

– Да провались она пропадом, свекла эта, – неожиданно вспыхнул Яков, но тут же взял себя в руки и извинился: – Прости, Карлуша, что-то голова разболелась. Сейчас отпрошусь у хозяев и домой поеду...

– Что ты говоришь, Яков! – Карл Поликарпович тут же забыл о свекле и вообще о всех овощах разом. Шутка ли – самое главное достояние, голова Якова – под угрозой. – Сильно болит?

– Ничего страшного. Доберусь домой, тряпку с уксусом положу на лоб, и все будет в порядке.

Он обрисовал ситуацию чете Кромби. Судя по вытянувшемуся лицу миссис, та огорчилась, а вот хозяин, похоже, отнесся к вынужденному окончанию визита философски. Он сочувственно покачал головой, просительно что-то сказал и вышел из столовой.

– Сейчас скажет своему водителю, чтобы он разогрел топку мобиля. – Мрачно пробурчал Яков. – Хотя лучше бы это сделал Адам. Где его носит, хотел бы я знать.

– Яков, ты что, ревнуешь? – Добродушно спросил Карл Поликарпович.

Шварц зло стрельнул взглядом в Клюева и отрезал:

– Нет.

Мистер Кромби вернулся, держа в руках небольшую бутылку. Вручил ее с комментариями Шварцу – видимо, там снадобье от головной боли, догадался Карл Поликарпович. Не похоже, чтобы алкоголь. В таких мелких пузырьках только микстуры держать.

Примерно через полчаса вернулся с прогулки Адам; гости раскланялись и покинули гостеприимный дом Кромби, еще раз поблагодарив юную журналистку и ее дядю за прекрасную статью. Шварц поцеловал руку мисс Джилли, та как-то странно на него посмотрела и руку отдернула, будто ужаленная. Карл Поликарпович вздохнул: ох уж эти молодые девушки, что русские, что английские, да хоть африканские – их не понять.

Обратно ехали в молчании. Никаких «Ямщиков», даже просто поговорить не удалось. Клюев расстроился и пообещал себе, что, приехав домой, расцелует жену, и попросит, чтобы она его больше в такие поездки с Яковым не пускала. И чтобы завтра на обед был борщ.

Вернувшись домой, Яков скинул пальто на пол в прихожей, в несколько прыжков преодолел винтовую лестницу, прошел по коридору, спустился и, толкнув двустворчатые двери, вошел в мастерскую. Вернее, одну из мастерских, что находились в доме – в этой было жарко, пылал горн и звенел металл. На беленых стенах висели детали, угольками нарисованные чертежи в пляшущем свете от живого огня извивались, словно змеи. У горна, в толстом кожаном фартуке и шарфе, натянутом на нос, стоял Жак, и бил молотом по железному пруту, рьяно, будто хотел вплющить его в наковальню. Яков медленно стянул визитку, расстегнул рубашку и подошел к Жаку. Тот скосил на него глаза и прокричал:

– Пять секунд!

Сунув зашипевшую заготовку в воду, от которой тут же повалил пар, Жак отошел в сторону и стянул шарф под подбородок.

– Что стряслось? – Он взгляделся в лицо патрона и чуть кривовато улыбнулся, словно проверяя Якова на степень расстройства.

– Адам. – Коротко ответил Шварц.

– Что Адам?

– Да ерунда. Мы у Кромби были, а там эта журналистка.

– Он что, глупость какую-то при ней сморозил? Или... не дай бог... пукнул, что ли? – Чуткий, как всегда, Жак сразу понял, что Яков уже остыл, и бурлит только по инерции, а потому решил пошутить в присущей ему, грубой манере. Впрочем, утверждать, что какое-то определенное поведение ему именно присуще, Шварц бы не стал. Иногда Жак удивлял даже его.

– Да ну тебя. – Яков ухмыльнулся. – Этот идиот... я думаю, он в нее влюбился.

Жак присвистнул.

– В смысле – именно влюбился? Прогулки под луной, поцелуйчики, серенады под окном? Ты шутишь.

– Серенад не было, врать не буду. – Яков сел на старое ведро, перевернув его вверх дном, бесповоротно при этом испачкав брюки. Но они сейчас волновали его в последнюю очередь. – Но они гуляли вместе, пока мы обедали. И он смотрит на нее, как... как баран. Пялится и краснеет.

– Он и на меня пялится, что, тоже влюбился? А краснеет он каждый раз, когда ему дурацкая мысль приходит в голову, а это случается чуть ли не поминутно.

Жак присел на корточки рядом с Яковым, потрепал того по колену. Шварц хмыкнул, и Жак поспешно убрал руку, а затем примирительно сказал:

– Яков, ты преувеличиваешь. Ему до настоящей влюбленности, как до Луны. Этого не может быть, потому что не может быть. Да и к тому же, если б он влюбился в нее, он бы не был тем, кем он является, а поскольку он является тем, кто он есть, он в нее не влюбился.

– Софист ты, Жак. – Смягчился Яков. – Почтище Сатаны софист.

– «София» – она же мудрость, и ты только что сделал мне комплимент, дружище, включая сравнение с Козлоногим. Не переживай, все с Адамом в порядке. И иди-ка ты спать, мне еще ковать, я допоздна.

Яков встал, потянулся.

– Я, может быть, паникер, Жак... но ты знаешь, осечек никаких быть не должно. Тут на карту поставлено...

– Да знаю я, что поставлено. Иди спи.

Визит пятый

Яков Гедеонович Шварц открыл глаза, разбуженный солнечным зайчиком, что щеко-тал веки. Откинул одеяло, встал перед приоткрытым окном, ноги на ширине плеч. И принялся за гимнастику, новое английское изобретение. Легкий, прохладный ветерок трепал на нем пижаму, но упражнения не давали замерзнуть. Чуть скрипнула дверь и в комнату проскользнул Жак с подносом, на котором дымился чайник и стояла накрытая выпуклой серебряной крышкой тарелка.

– Завтрак, патрон. – Сказал Жак, крутанул поднос и опустил его на одеяло. – Овсяная, черт ее дери, каша. И чай.

– Good, – лаконично отозвался Яков, сберегая дыхание.

– Тебе обязательно каждое утро травиться этой жижицей? – Вздохнул Жак. – Вот в Италии завтракают...

– Знаю я, чем. Так завтракают, что до полудня встать с кровати не могут. – Яков закончил гимнастику и уселся на кровать, скрестив ноги, а поднос разместил на коленях. – Докладывай.

– Все готово для демонстрации. Комиссия прибудет через два часа – как раз успеешь принять ванну и одеться. Будут присутствовать... погоди, имена такие, что язык сломаешь. – Жак порылся в кармане, достал миниатюрную записную книжку в перламутровой обложке, полистал ее. – Месье Жоффре Арно, мистер Ганс Ван Меер, мистер Рихард Краузе, сеньор Джузеппе Мартелли, сэр Пол Картрайт, мистер Роберт Уортон, господин Клим Строганов и... вот, вот... Чаоксианг Хуанг. Фух, выговорил.

– Кто-нибудь требует особого внимания? – Спросил Яков, сняв крышку с тарелки. Горка горячей каши с желтым озерцом масла напоминала вулкан.

– Все требуют. – Жак спрятал книжицу и оперся о столбик кровати. – Поскольку все они, кроме Уортона, входят в Совет Представителей.

Шварц довольно зажмурился, а Жак продолжил, немного рассеянно, будто всего лишь размышлял вслух, но сам следил за выражением лица Якова:

– Я вот думаю, чем таким мог насолить им наш черноусый друг Клюев, что они лично решили явиться проверять его протеже... То есть, оно понятно, кому оставаться на Острове, а кому съезжать, решает Совет. Ну, послали бы помощников, заместителей, в конце концов. Или вот пришла ко мне в голову мысль... – Жак сделал паузу.

– Давай уж, выкладывай, хитрая твоя морда. – Махнул в его сторону ложкой Яков.

– Может, не насолил вовсе наш толстый Карп. А наоборот. Подает определенные надежды. Потому и заявятся они сами, чтобы посмотреть на новое изобретение. А еще вернее, что не Карп подает надежды, а некий изобретатель, удобно устроившийся у него под крыльшком. Я так думаю, потому что не стал бы Клюев тут по потолку бегать и в ужасе кудахтать, если б перед этим сам дорожку в Совет топтал. А испугался он не на шутку.

– Я всегда поражался силе твоего мышления, Жак, но сегодня ты превзошел сам себя. – Шварц, расправившись с завтраком, отодвинул тарелку и уже серьезно посмотрел на помощника. – Подготовь мой лучший костюм.

– Будет сделано, – вздохнул Жак, забирая поднос. – Мне присутствовать?

– Если хочешь. – Оценив высоту поднятых бровей Жака, Яков хмыкнул. – Чего удивляешься? Ты почти наравне со мной работал, заслужил.

Жак, качая недоверчиво головой, удалился, а Шварц набросил халат и вышел из спальни. Проходя по коридору третьего этажа, где располагались жилые комнаты, постучал в соседнюю дверь.

– Адам? Проснулся?

– Да, проходите.

Яков зашел в спальню секретаря. Тот с сосредоточенным лицом поднимал и опускал большую гирию, стоя у открытого окна.

– А, молодец. В здоровом теле здоровый дух. – Одобрительно цокнул языком Яков. – Я наемни у Кромби зонт забыл. Съезди сегодня, забери. Прогуляйся заодно. Никаких важных дел ведь у тебя нет?

– Нет... – Шея Адама покраснела, он с усилием выдохнул воздух и поставил гирию на пол. – Съезжу, мистер Шварц.

– Вот и замечательно. Но после четырех чтобы вернулся, ты мне понадобишься.

Адам кивнул и снова взялся за гирию. Яков, насвистывая популярный мотивчик, отправился в ванную.

Через два часа все было готово к торжественному приему гостей. Жак стоял с застывшей миной снаружи у входа – ни дать ни взять, швейцар. Яков скучал, шагая по прихожей и поглядывая на настенные часы фирмы Беккера. Без пяти минут десять... без трех... без одной. С боем часов дверь открылась, вошел Жак и придержал створку. Внутри ступил Карл Поликарпович, напряженный, как оголенный провод. Кончики усов у него, как показалось Жаку, чуть ли не дымились. Ему стоило больших усилий сдержаться и не захихикать, настолько надутым выглядел Клюев, и одновременно неуверенным в себе. Будто с каждым вдохом он вспоминал, что он – богатый и успешный фабрикант, который удостоен чести жить и работать на Острове, а с каждым выдохом в его крупную голову закрадывалась мысль, что сегодня все может пойти прахом, если он сделает что-то не так. Жак представил себе, как Карл Поликарпович, впадая в панику раздувается все больше, а потом съеживается, становясь все меньше, и стал гадать, что произойдет раньше – лопнет фабрикант или же аннигилируется.

Яков подошел к Клюеву, положил руку ему на плечо и легонько сжал, подбадривая. И чуть отодвинулся в сторону, чтобы встретить основных гостей.

Комиссия вся без исключения состояла из индивидуумов столь напыщенных, что Жак сразу же потерял всякий интерес к Клюеву, и стал воображать лопание уже этих господ. Шварц кланялся каждому из них, когда фабрикант называл их имена и регалии. Тот список, что утром Жак зачитал патрону, разбух раза в четыре, с учетом всех званий и ученых степеней.

– Прошу без лишних слов, чтобы не отнимать время у столь занятых персон, пройти в лабораторию для демонстрации, – сказал Шварц и вытянул руку к дверям, ведущим налево. Комиссия, выстроившись в шеренгу, гуськом проследовала за изобретателем. Клюев шел последним – выходя из прихожей, фабрикант бросил на Жака такой измученный взгляд, что тому на миг стало его жалко. Но только на миг.

«Коготок увяз – всей птичке пропасть», – отстраненно подумал Жак и, расстегнув верхнюю пуговку сюртука, направился к винтовой лестнице. Он доберется до лаборатории кружным путем, и будет присутствовать на демонстрации, только скрытно – так предложил Яков, и он согласился.

Пробравшись по заваленному барахлом чердаку, Жак спустился по скрипучей деревянной лестнице в небольшую каморку, предназначенную, по всей видимости, для слуг. Сейчас тут хранились машины, забракованные Яковым – выкручивательная, при удачном стечении обстоятельств могущая сильно облегчить жизнь прачкам, громоздкий эхолокатор и «кресло правды», для которого Жак предложил, хихикая, оформление пыточных кресел инквизиции. Перешагнув через груды проводов, Жак открыл небольшую дверцу и протиснулся между двумя комодами, чтобы достичь, наконец, маленького окошка. Он поднял заслонку, и его взгляду открылся замечательный вид сверху на лабораторию – а хорошая акустика позволяла, не напрягая слух, разобрать каждое сказанное слово.

Лаборатория по такому случаю была очищена от ненужных деталей, блоков и мусора. На чисто вымытом полу посередине помещения стоял тяжелый стальной стол, а на нем высилось

нечто, прикрытое до поры до времени тканью. Полукругом у стола расположились кресла, в которые уселись члены Совета.

– Для начала я хочу поблагодарить своего друга, умнейшего человека, всем сердцем стремящегося к прогрессу – мистера Карла Ключева, – начал Шварц и комиссия дружно повернулась к фабриканту, нервно протирающему шею платком. – Он подал мне идею, которая со временем превратилась в... – Яков сдернул покрывало с аппарата, – ... в электрический двигатель!

Члены Совета смотрели на рыжего и нескладного изобретателя не мигая, будто амфибии. Яков, ничуть не смутившись, продолжил свою речь, медленно обходя стол по кругу.

– Ни для кого не секрет, что паровые мобили, при всех их достоинствах, обладают рядом прямо-таки вопиющих недостатков. Они шумные. Они загрязняют и без того не особо чистый воздух в городах – и они требуют постоянного надзора водителя. Копоть, дым, зря потраченное время, грохот, быстрый износ деталей... почему же мы пользуемся ими? Потому что до сих пор не было достойной альтернативы. Но теперь, господа... – Шварц протянул руку к двигателю, растопырившему трубки и катушки во все стороны, как диковинный еж, – есть электрический двигатель!

Комиссия заинтересованно подалась вперед. Жак не смог удержаться от ухмылки – не встречал он еще человека, способного противиться обаянию Якова. Если б Шварц представлял полную ерунду, вроде устройства, растягивающего пальцы пианиста, они бы все равно рукоплескали в конце.

– Основная проблема накопления и переработки электрической энергии была в том, что ученым не удавалось правильным образом преобразовывать переменный ток в постоянный. Но я нашел решение, и перед вами – плод моих многомесячных трудов. Подробные описания процесса я изложил в этих брошюрах...

Карл Поликарпович не сводил тяжелого взгляда с Якова, пока тот двигался по дуге вдоль кресел, раздавая листки со схемами. Когда Шварц поравнялся с ним, принял из его рук брошюру, пытливо вглядываясь в лицо друга. «Будь я проклят, многомесячных, как же... буквально третьего дня мы говорили о паромобиле, когда к Кромби ехали... Это что же, он меня за нос водил, когда уверял, что уже почти сделал новый агрегат? – Обиженно подумал Ключев, но тут ему в голову пришла куда более светлая и обнадеживающая мысль. – Но ведь каков шельмец, гений... за три дня изобрести и построить электрический двигатель!»

Ключев вперился взглядом в бумажку, однако он крайне плохо разбирался в электрических схемах, потому лишь вид сделал задумчивый, а сам тем временем все крутил в голове – каким образом Яков собирается приплести к своему изобретению его, Ключева, фабрику? Какие такие детали могут для него изготавливать мастерские по изготовлению часов? Маленькие зубчатые колесики? Перед мысленным взором Карла Поликарповича стала собираться туча, олицетворяющая полную замену производства фабрики, и он приуныл. «Уж лучше бы он им показал те часы с чайником, – подумал Ключев. – Чудесная же вещица, глазу приятная и в хозяйстве полезная...».

Шварц тем временем разбирал двигатель, комментируя подробно каждую часть, а Карл Поликарпович, пользуясь тем, что стоял чуть поодаль от расположившихся в креслах членов комиссии и имел неплохой обзор, принялся рассматривать исподтишка их лица. Тот, с козлиной бородкой – немец, кажется, – доволен, головой кивает. Китаец вполголоса переговаривается с соседом, англичанином, тыкая пальцем в бумажку. Краем глаза Ключев заметил движение наверху, поднял взгляд – и увидел маленькое окошко в стене, почти под потолком. За ним явно кто-то был, миниатюрная ставенка определенно двинулась. «Жак, – догадался Ключев, – сидит там и... почему не спустился? Хотя оно к лучшему, доверия его рожа не вызывает».

Спустя всего полчаса комиссия удалилась, возбужденно переговариваясь, и Яков с Ключевым, проводив их, отправились в гостиную, пить чай. Карл Поликарпович подметил, что Жак, подойдя к патрону, вполголоса спросил у того, где Адам.

– Проводит один эксперимент, – ответил Яков. Усевшись в потертое кожаное кресло, стоявшее тут еще когда дом был жилым, Шварц предложил выпить чего покрепче, отметить, как он выразился, «победу».

– Потому что это, друг мой, самая натуральная «виктория». – Сказал он, выставляя на стол рюмки. – И мы заслужили немного холодненькой, вкусной водочки, под закусочку...

– Ну, разве что немного, – согласился Карл Поликарпович. – Я переволновался что-то.

– Отчего? – Удивился Шварц. – Ты во мне сомневался? Зря.

Вошел Жак с чайником, бросил взгляд на рюмки и, вздохнув, круто развернулся обратно к двери. Яков тем временем расписывал, как греко-француз ему помогал, что он без него как без рук, словно Клюев вслух высказал свое недовольство. Фабрикант всячески поддакивал, ругая себя за то, что позволил неприязни отразиться на лице. Яков-то был прав насчет помощи – один он явно не смог бы справиться за такой короткий срок. Клюеву стало стыдно – не за отношение свое к Жаку, тут он ничего поделать не мог, а за то, что не сумел скрыть антипатию, что было, по меньшей мере, некрасиво по отношению к другу. Жак принес закуску – тонко нарезанные ломтики розовой ветчины, соленые огурчики и острую колбасу, и мужчины подняли рюмки.

– За успех! – Воскликнул Яков.

Они выпили. Карл Поликарпович крякнул, тут же съел хрусткий огурчик.

– Теперь они от меня отстанут, – проворчал он. – Изобретение это великое, многое в мире изменит. Только вот...

– Да не бойтесь, *калюпчик*, – свернув ветчину в трубочку, Жак проглотил ее одним махом. – Не забудет Яков Гедеонович ни вас, ни фабрику вашу...

Клюев, неприятно пораженный тем, как точно Жак ухватил самую суть его опасений, встопорщил усы и с нажимом ответил:

– А я и не боюсь, го-луб-чик. Я в Якове уверен, он друзей не бросает.

– Господа... – Шварц покачал головой осуждающе, но глаза его улыбались. – Ну что вы как дети малые, право слово. Радоваться надо, а вы баталию словесную устроили. Ты, Жак, если желчь девать некуда, сходи в мастерскую да протрави на металле «Боже, царя храни», полегчает... А ты бы, Карлуша, вот о чем подумал: Беккеров в этом году на одного меньше стало, самое время на рынок твои новые часы с чайником продвигать.

– Но ведь комиссия... – начал Клюев, но Яков махнул рукой:

– После моей демонстрации их мало будет волновать, что ты выпускаешь. Ты, наверное, Карл, брошюру невнимательно читал. Электромобиль под твоей маркой ходить будет. А с деталями, производством и прочим я разберусь. Ну... – Он разлил всем еще водки. – За дружбу!

Визит шестой

Джилли, стоя на коленях, удаляла сорняки, пробившиеся вокруг астр. Цветоводство было основным источником заработка на островах, до тех пор, пока не пришел Проект, а сейчас превратилось в необременительное хобби для многих жителей Св. Марии. Все больше местных – а их и изначально то было немного, – покидали острова и перебирались к родственникам в Англию или во Францию. Острова Силли становились слишком шумными, грязными и, что закономерно, растеряли свое очарование для туристов. Если раньше тут было тихо и уютно, то теперь повсюду стоял грохот, возводились новые мастерские, фабрики... Похоже, что три года назад, когда главы государств выбирали место, где будет располагаться Проект, они несколько недооценили способность последнего расти, иначе остановили бы свой выбор на Мадагаскаре. Остров Св. Марии, самый крупный из архипелага Силли, уже трещал по швам.

Джилл не просто так размышляла о будущем островов, она обдумывала будущую статью. Дяде стало известно, что Совет Представителей выставил на рассмотрение проект, согласно которому острова соединили бы широкие, крепкие мосты – паромы, перевозившие ранее пассажиров с одного острова на другой, естественно, не справлялись. Предполагалось в этом году, если предложение примут, построить два моста между островами Св. Марии и Св. Агнессы, и еще один, к острову Св. Мартина. Джилли не сомневалась, что в Совете все проголосуют за строительство – бухты кишели судами, что разгружались в порту Св. Марии, толпясь, как школьники у тележки мороженщика. А потом грузы отправляли на другие острова с помощью паромов, проседавших под тяжестью огромных контейнеров.

Джилл сгребла в кучу листья и стебли сорняков, сняла рабочую перчатку и вытерла ладонью лоб. Сегодня было необычайно жарко для сентября. Ей оставалось очистить еще несколько грядок, когда из дома вышла ее тетя, миссис Кромби, и быстрым шагом направилась к девушке. Лицо ее выражало крайнюю степень волнения.

– Джиллиан... Скорее, скорее... – Тетя, подойдя к Джилл, не потрудившись объяснить, в чем дело, просто развернула ее к себе спиной и принялась дергать завязки грубого фартука.

– Что случилось?

– Он здесь... тебе надо скорее вымыть руки и лицо, и причесаться, ты ужасно растрепалась.

– Да кто «он», тетя?

– Мистер Ремси. – Тут уж сама Джилл, скинув перчатки, принялась помогать тете, но узел застрял. – Он объяснил, что заехал забрать зонт, который его хозяин оставил у нас после визита. Я сказала, что поищу, взяла зонт из прихожей и спрятала в библиотеке, так что время у тебя есть. Ох, наконец-то.

Миссис Кромби подтолкнула девушку в направлении дома, и Джилл на секунду ощутила что-то вроде раздражения. Хоть она и сама была взволнована, но вся эта сцена навевала мысли о романах Джейн Остин, а у той, что ни героиня – то несчастная девушка, предел мечтаний которой – выйти замуж. Точно такую же суету поднимала миссис Дэшвуд, когда к ним в гости приходил Уиллоби. Джилл помотала головой, стремясь избавиться от навязчивого образа, и сказала себе, что она просто рада видеть мистера Адама, а матримониальные планы ее тети, которая убеждена, что племянницу никто не захочет взять в жены – сущая ерунда и излишняя чувствительность.

Умывшись и поправив прическу, она прошла в гостиную, куда тетя затащила мистера Ремси. Адам стоял посреди комнаты, с видом потерянным, как у щенка.

– Мистер Адам, – Джилл подошла к молодому человеку и очень по-современному пожала ему руку, даже не присев в книксене. – Рада вас видеть.

– Мисс Джилл... Мистер Шварц прислал меня за зонтом...

– Я уже знаю. Тетя ищет его. Наверное, горничная прибиралась и переложила. Вы не откажетесь от чая, я полагаю?

«Раз уж он все равно здесь», – подумала Джилл.

Час спустя девушка уже знала, что мистер Шварц отпустил Адама почти до вечера – молодой джентльмен либо совершенно не умел хранить секреты, либо сам хотел подольше задержаться у Кромби; как бы там ни было, Джилл предложила прогуляться, и он согласился. Погода была чудесной, и девушка, собрав корзинку для пикника, повела Адама к пляжу, расположенному недалеко от дома, минутах в десяти ходьбы. Она захватила с собой белый летний зонт, чтобы ее светлая кожа не обгорела.

– Боюсь, этот зонт мистеру Шварцу не подойдет, – со смехом сказала Джилл, беря под руку Адама.

– Определенно, нет. – Улыбнулся он. – Чем вы занимались сегодня?

Медленно бредя вдоль обрыва, они обсудили розы, астры и другие цветы. Тропинка, сначала круто забираясь вверх, на вершину холма, делала виток и спускалась вниз, к огромным валунам, прячущим за своими темными телами укромный пляж.словно гигантские морские чудовища, заснувшие на берегу, они сгрудились вокруг тоненькой полоски песка. Разговор между молодыми людьми тек неспешно и непринужденно. Джилл, выяснив, что у Адама нет любимого сорта цветов, удивилась.

– Ну, вы хотя бы можете сказать, какие цветы вам больше нравятся, садовые или полевые?

– Пожалуй... полевые. Они просто растут и радуют глаз. Никто их не срывает... – Адам подал руку Джилл, чтобы она перепрыгнула с одного камня на другой. – Я не могу понять, зачем вообще надо срезать цветы – они же умирают.

– Они украшают дом, – единственный довод, который смогла высказать Джилл, ей самой показался глупым и неуместным. – Но, пожалуй, я могу понять, что вы имеете в виду. Вот мы и пришли... Когда я была маленькая, я называла этот пляж «Бухта Джилл». Вы представить себе не можете, сколько пиратских кораблей швартовалось тут в непогоду, сколько кладов зарыли храбрые корсары... – Она засмеялась. – В детстве у меня было очень богатое воображение.

– А сейчас? – Спросил Адам.

– Сейчас... – Джилл задумалась. – Наверное, тоже, просто у взрослых все иначе. Если фантазировать, другие люди могут неправильно понять, и посчитать, что ты просто лжешь.

– Я никогда не лгу. – Тихо сказал Адам. – И, наверное, никогда не фантазировал поэтому. Я просто не умею.

– Попробуйте, – Джилл расстелила на теплом еще песке плед и уселась, расправив юбку. – Представьте, что там, у самого горизонта, показался парус галеона.

– Учитывая то, где мы находимся, скорее – дымящие трубы парохода, – улыбнулся Адам.

– Парус гораздо романтичнее, – выпалила Джилл и тут же разозлилась на себя за несдержанность. – Я имею в виду, в книжном смысле. Романтика приключений, и тому подобное... Представили?

– Наверное, да. – Неуверенно ответил Адам.

– И плывут на этом корабле отважный пират Черная Борода...

– И прекрасная, смелая пиратка Джилл. – Подхватил Адам. – Они везут сокровища, чтобы спрятать в этой укромной бухте.

Присев рядом с девушкой, Адам затих. Джилл тоже не говорила ни слова, но их молчание не было напряженным, и не было вызвано скудостью тем обыденного разговора. Они просто сидели, наслаждаясь горячими лучами солнца и любуясь океаном. Берег, словно готовясь к холодной зиме, все натягивал на себя одеяло волн, но море противилось, и те откатывались обратно. «Словно старые супруги, что никак не могут поделить покрывало во сне», – подумала Джилл.

Адам кашлянул и сказал:

– Я прочитал вашу статью. Она очень хорошая.

Джилл, почувствовав, что очарование момента грозит испариться, ответила коротко:

– Это замечательно.

«Вот бы просто посидеть вместе еще чуть-чуть, – взмолилась она мысленно. – Без заученных фраз и этикета. С Адамом так хорошо просто... быть рядом». Но молодой человек продолжил:

– Это из-за воображения?

– Нет, – вздохнула Джилл. – Я в том, что пишу, никогда не выдумываю.

– Я не это хотел сказать... то есть, я никоим образом не имел в виду, что вы...

– Я знаю. Но, если вы действительно читали статью, то могли бы заметить, что там – только факты.

– Простите, я... – Адам сконфузился, но упрямо мотнул головой, а затем достал из внутреннего кармана газету, сложенную вчетверо. – Вот, здесь написано: «... молодой и весьма перспективный помощник русского изобретателя, мистер Ремси, чьи научные достижения, вне всякого сомнения, еще впереди».

– И где здесь неправда? – Джилл чуть повернула зонт, чтобы солнце не слепило глаза. – Разве вы не собираетесь со временем «пойти по стопам» мистера Шварца и начать изобретать? У меня сложилось впечатление, что вы достойны большего, чем просто носить для него зонты.

– Я не знаю. – Адам спрятал газету и взгляд его устремился в море, словно он снова пытался вообразить там пиратский галеон. – Я не думал об этом. О будущем...

– А стоило бы. – Джилл поднялась на ноги и легкими движениями отряхнула юбку от песка. – Ведь не вечно вы будете прислуживать ему. Когда-нибудь вы совершите свое открытие, я уверена.

– Наверное. – Адам тоже встал и помог Джилл сложить плед. Она самую чуточку злилась на него – не за то, что он разрушил этот странный и приятный момент единения, ведь они всегда недолги; а потому что ей действительно казалось, что Адам слишком неуверен в себе, а мистер Шварц этим пользуется.

Они возвращались обратно тем же путем. Настроение у Джилл постепенно вернулось к тому, что было раньше, когда они с Адамом только вышли из дома: приятно, чуть приподнятому. Молодые люди взобрались на возвышение. Стоя на кромке обрыва, Джилл показала своему спутнику Сумеречный мыс, выдававшийся далеко в море справа от них. Адам выразил беспокойство по поводу того, что девушка подошла слишком близко к краю, но Джилл его успокоила:

– Здесь очень твердая порода камня, он почти не крошится. Упасть почти невозможно, разве что зимой, если поскользнуться. Но раз вы настаиваете, не буду испытывать крепость ваших нервов.

Она не смогла решить для себя, польстила ли ей эта забота, или наоборот, вызвала раздражение. Наверное, всего понемногу, подумала она. Адам очень мило краснеет и характер у него мягкий – но именно поэтому он, если не одумается и не возьмет судьбу в свои руки, никогда не выберется из тени мистера Шварца. Джилл представила себе, что, если бы она была девушкой другого склада, то ее, наверное, порадовало бы такое качество Адама, как возможного жениха. Но ее в первую очередь, как она сама себе определила на пути к дому, будет волновать его карьера, как друга, и только – и она постарается сделать все возможное, чтобы Адам обрел уверенность в себе.

Когда они вернулись в дом Кромби, тетя Джилл сообщила, что «как раз» обнаружила зонт, кто бы мог подумать – в библиотеке! И подмигнула Джилл.

– Вы позволите навестить вас еще раз? – Спросил Адам, когда девушка вышла его проводить до ворот. – Скажем, завтра?

Джилли выдержала паузу, словно бы обдумывала ответ, сама втайне радуясь, что Адам спросил о визите первым, а то она и сама готова была предложить ему «зайти как-нибудь».

– Завтра я буду занята, к сожалению. – И в словах Джилл не было ни капли кокетства или желания поддразнить кавалера, она и впрямь собиралась уехать на остров Треско с утра, по работе. – Но вот в пятницу я буду очень рада вас снова увидеть. До встречи, мистер Адам.

– До встречи, мисс Джилл. – Коротко поклонился молодой человек и, сунув зонт подмышку, скрылся за калиткой. Девушка, повинувшись необъяснимому импульсу, выглянула наружу, ожидая увидеть либо паромобиль, либо спину Адама, направляющегося в город пешком, с удивлением обнаружила, что он уже успел отъехать от дома на новеньком, блестящем велосипеде. Джилл, привстав на цыпочки, замахала ему, привлекая внимание.

– Мистер Адам!

Он обернулся, и она крикнула вслед:

– Приезжайте на велосипеде, у меня тоже есть, прокатимся вместе!

Он кивнул и улыбнулся, а затем, чуть подпрыгивая на ухабах, покатился с горки. Джилл прижала руку к груди, ожидая почувствовать, как внутри замирает сердце, или колотится быстро-быстро... Но ощутила ровное биение. «Почему же тогда я чувствую себя так, будто лечу?» – подумала она.

Жак, подливая кофе патрону, оглянулся на звук входной двери.

– Вернулся наш Казанова, – сообщил он. – Позвать?

– Позови, – не отрываясь от газеты, ответил Яков.

Когда Адам вошел, Шварц отложил чтение и испытующе уставился на молодого человека, стоящего в дверях гостиной.

– Зонт я забрал. – Сказал Адам, снимая шляпу. Жак протиснулся мимо него, ухмыляясь так, будто задумал какую-то пакость.

– Хорошо, – кивнул Яков. – Прогулялся?

– Да. Мы с мисс Джилл ходили к маленькой бухте. Пили чай. То есть, сначала пили чай, потом гуляли.

– И как она тебе? – С подозрительно невинным видом поинтересовался Жак, устраиваясь рядом с хозяином, затем заглотил пирожное целиком, игнорируя хмыканье Якова. – И я говорю не о бухте, а о мисс Джилл.

– У нее богатое воображение, – улыбнулся Адам.

– И все? – Жак покосился на патрона. Яков ободряюще взглянул на секретаря, и тот пожал плечами, словно бы не понимая, какого ответа от него хотят добиться.

– И все... – Шварц чуть сдвинул брови и снова развернул газету. – Иди, Адам. Я позову, когда понадобится.

Дождавшись, пока за молодым человеком закроется дверь, Жак, покрутив по часовой стрелке чашку на блюдце, проворчал:

– И зачем ты это устраивал? Проверить хотел?

– А что если и так? – Взгляд Якова быстро скользил по строчкам, лицо было невозмутимо.

– Одним свиданием ничего не докажешь.

– А кто сказал, что оно будет только одно?

Жак уставился на хозяина и не сводил с него глаз до тех пор, пока Яков, вздохнув, не отложил газету. Он с легкой усмешкой встретил взгляд Жака, и чуть приподнял бровь.

– Тебе ведь есть, чем заняться, mon ami?

– Как раз нечем. – Парировал Жак. – Я три дня не спал, пока мы двигатель собирали, и теперь надеюсь на некоторое количество выходных. Сегодня вечером отосплюсь, а завтра...

– Что завтра?

– Я вот подумал, чего ради мы сидим дома, как мыши в норке? Я так скоро забуду, как солнце выглядит, стану бледным, как моль. Да и тебе не мешает отвлекаться.

– И куда ты предлагаешь пойти? Остров не особо богат на развлечения. Разве что взять билет на пароход до Бреста, но там все те же порты и склады, в основном. А мне Остров покидать надолго не стоит, после сегодняшнего – особенно.

– Зачем нам Брест... – отмахнулся Жак. – На набережную пойдем. Приехал парк развлечений. Карусель, колесо обозрения, метание ядра...

– Ты обмелчал, смотрю, и стал весьма неприятелен в прожигании жизни. Ну да ладно. Будет тебе карусель.

Визит седьмой

На острова пришла осень. Впрочем, она не сильно отличалась от лета – стало прохладнее, поднялись ветры, и только. Теплое течение Гольфстрима, обнимавшее архипелаг, смягчало климат; снег здесь видели крайне редко.

Карл Поликарпович все реже навещал своего друга Якова – совершенно неожиданно он оказался загружен делами финансовыми, связанными с тем, что чайник с часами становился все более популярен, даже можно сказать – вошел в моду по всей Европе и даже дальше. С легкой руки Шварца агрегат этот называли «Сцилла», и, то ли из-за экзотичного названия, то ли потому что вещь действительно была полезная, заказами Клюева завалили так, что он едва ли видел в делах просвет, не ожидая передышки до самого Рождества. Раз или два он зашел к Якову, да и то, обсудить картинку на рекламном буклете, а после сидел безвылазно в своем кабинете, строча письма, или налаживал дела на фабрике. Он даже пристроил к производству своего младшего брата в Санкт-Петербурге, на чьем попечении до этого вяло доживала свой век старая мастерская Поликарпа Ивановича. Теперь ее оборудовали по последнему слову техники, и Влад Поликарпович Клюев с энтузиазмом взял на себя обеспечение рынка Российской Империи. В той, кстати, намечались некие политические перемены, как сообщил Влад в письме – Николай Второй отрекся от престола в пользу брата, Георгия Александровича. Но Карл Поликарпович уже был в курсе этих новостей, узнав из газет, что Николай Александрович покинул столицу, отправившись с семьей в Крым, в надежде поправить здоровье цесаревича, а тем временем Георгий Первый, провозглашенный Императором Всероссийским 19 сентября 1916 года, практически сразу же совершил перестановки в Государственном совете, поставив во главе Столыпина, которого для этого уговорил вернуться с заслуженного отдыха после покушения 1911 года. Иностранная пресса, каковую на Остров доставляли ежедневно, а в особенности английская, пророчила Российской Империи путь Великобритании – то есть конституционной монархии. «Тем более что теперь обоих монархов зовут Георгями», – пошутила «Морнинг Стар». Карл Поликарпович шутки не оценил, даже после того как, воспользовавшись карманным словарем, проверил свой перевод. Он, несмотря на занятость, стал-таки подтягивать свой английский, а, чтобы не зубрить бесцельно, читал англоязычную прессу. И странно, новости об Империи не настолько сильно взволновали его, как он мог бы себе вообразить. Прошло всего три года с того дня, как он переехал сюда, на Остров, а уже вести о таких глобальных событиях дома воспринимаются, как повод попрактиковаться в переводе. Куда больше Карла Поликарповича сейчас занимали дела часовые – собственно, ради них он и выкраивал время для языка: большинство из заказчиков по-русски не говорили. Настасья Львовна относилась с пониманием. И гордилась мужем, и было чем – дела шли в гору, успех следовал по пятам, так сказать – Клюев уже готовил эскизы первой марки электромобиля, и кончики его усов все время задорно торчали вверх, но... В самой глубине души он, как и всякий русский человек, наделенный «нутром», чувствовал, что есть какая-то заковыка в том, что происходит. Беспокоило его то ли ощущение, будто его подхватило ветром и несет, пусть и в нужном направлении, но помимо его воли; то ли все просто происходило слишком быстро. Однако, получив хмурым октябрьским утром письмо с гербом Совета Представителей, на котором в центре красовалась шестеренка, через которую проходила молния, Карл Поликарпович не обрадовался, а наоборот, насторожился. Он аккуратно вскрыл конверт ножом, вдумчиво поерзал в мягком кресле кабинета, что располагался на втором этаже фабрики, и только после этого развернул лист бумаги.

«Многоуважаемый К. П. Клюев, – гласил текст письма, вкрадчиво рассыпая в начале множественные заверения в уважении, – ... решением Совета от 20 сентября, в связи с освобождением места в Совете для представителя от Российской Империи... – Тут Карл Поликар-

пович заерзал сильнее. – ... был выбран и единогласно утвержден Шварц Я. Г., изобретатель, ученый-физик, неоднократно доказавший как свою научную ценность, так и приверженность идеям развития и гуманизма». Клюев нахмурился, не совсем понимая, зачем его-то об этом оповещать, но тут дочитал до конца: «... согласился принять, с условием присутствия на заседаниях Совета господина Клюева К.П., с правом совещательного голоса, как человека, сведущего не только в науке, но и в финансовых аспектах научных открытий, а также политических последствиях оных. Основываясь на вышеизложенном, мы рады Вам сообщить...» и так далее, и тому подобное. Карл Поликарпович еще раз перечитал письмо. «Вот так пошутил, – подумал фабрикант, припоминая тот давешний разговор с Яковом, – а оно вон как высунулось. Впрочем, новости, конечно, хорошие...».

И не только хорошие, решил Клюев, а требующие обсуждения со Шварцем, причем безотлагательно. По самому худому разумению, его хотя бы поздравить надо, отметить назначение, да и поблагодарить не мешало бы, хотя Карл Поликарпович с трудом себе представлял, чем он будет заниматься на заседаниях Совета. Клюев спрятал письмо в карман жилетки, надел сюртук, поверх него – пальто шерстяное, толстое, так как на улице было холодно, даже для здешнего начала октября; нахлобучил котелок, взял перчатки, трость и отправился вниз, через фабрику к главному выходу, намереваясь поймать извозчика.

У Шварца, как ни странно, никакого праздника не наблюдалось. Не толпились журналисты у парадного, не слышались из-за двери хлопки бутылок шампанского, поздравления и тосты. Клюев понял, что, скорее всего, припозднился с визитом – почту утром принесли, он забегался с делами и только к концу рабочего дня руки до писем дошли. Ну, так и лучше, решил Карл Поликарпович, поговорим без суеты и посторонних. Он подергал ручку звонка и стал ждать. Открыли ему почти сразу – за порогом стоял Адам, чье пухлое лицо в обрамлении светлых кудрей показалось Ключеву грустным и потеряннным.

– Карл Поликарпович, – сказал он с легким акцентом, который фабриканта, кстати, не раздражал, в отличие от жакова кривляния, – а Яков Гедеонович вас ждет как раз.

– Ну, вот и очень *гуд*, – ответил Карл Поликарпович, входя. Он, как стал изучать английский вплотную, обрел привычку перемешивать слова в предложениях. – Он в лаборатории или...?

– Во второй мастерской, я провожу. – Секретарь запер за гостем дверь и принял у того котелок с тростью, затем пальто. – Вы там еще не были, можете заплутать.

Клюев прошел за Адамом, в который раз дивясь тому, откуда у Якова еще время находится в доме перестановки делать. Вторая мастерская, насколько он помнил старое расположение комнат в доме, оказалась на месте кухни. «Куда он дел кухню?», – только и успел подумать фабрикант, как из дверного проема, куда он собрался пройти вслед за Адамом, повалили кучи белого дыма, и что-то тоненько звякнуло. Секретарь попятился назад, развернулся, схватил Карла Поликарповича за грудки и повалил его на пол – что Ключева весьма изумило, ведь Адам комплекции был скорее худощавой, а он, Клюев, по меткому выражению супруги, был «вылитый русский медведь». Адам накрыл его собой и ладонями лицо загородил. «Ох, сейчас рванет?» – подумал Клюев. Тут раздался истошный кашель и, судя по звукам, а также усилившемуся давлению на живот, Карл Поликарпович понял, что из мастерской выбежал еще кто-то, и, не заметив лежащих на полу Адама с гостем, споткнулся и растянулся прямо на них.

– Maledizione! Merde! – раздался голос Жака откуда-то сверху. – Адам, какого черта ты тут распластался?

– Слезь с меня, оба слезьте! – бухнул неожиданно громко даже для себя Карл Поликарпович, а затем попытался стряхнуть с себя секретаря и незадачливого естествоиспытателя. Дым вокруг стоял столбом, мешая рассмотреть, что же все-таки произошло. – Яков! Яков внутри остался! – Еще громче завопил Клюев, стараясь выбраться из-под тел.

– Все в порядке, – кашляя, из клубов дыма вынырнула тощая фигура. – Я тут. Вы бы себя видели... – Хохотнул он. – Карлуша, давай руку, помогу.

Поднявшись и отряхнувшись, Карл Поликарпович надулся от возмущения, но тут же выдохнул весь набранный для долгой тирады воздух из груди, увидев, на что похож был Яков. Весь в саже, с всклокоченной рыжей шевелюрой, и облит какой-то дрянью.

– Позор мне, как я гостей встречаю, – пошутил Шварц, стряхивая с себя синеватую слизь. – Ты прости, Карл, незадача у нас с Жаком вышла. Ну да ядовитого ничего нет, и попало в основном на меня. Адам, проводи Карла Поликарповича в гостиную, свари кофе и коньяку в него добавь по чайной ложке на чашку. Жак, присыпь там, чтобы не проело ничего... – Яков распорядился спокойно, деловито, будто всего-то уронил ночной горшок. – А я сейчас обмоюсь быстро и спущусь. Дождись, Карл, не уходи.

– Да куда ж я денусь, – буркнул Клюев, и послушно пошел вслед за Адамом, который извинялся за то, что не догадался фабриканта сразу в гостиную отвести и тем самым подверг опасности. Карл Поликарпович его по дороге утешил, как мог, сказав, что такая встряска была как раз кстати.

За чашечкой крепкого кофе с каплей коньяка стало совсем уютно. Спустился Яков в домашнем халате, с мокрой головой, и Клюев поздравил его с назначением. Шварц поздравил его в ответ и даже слушать отказался всяческие цветастые благодарности, что Карл Поликарпович заготовил по дороге.

– Простого искреннего «спасибо» достаточно, а ты мне его уже сказал, – мягко, но без улыбки ответил Яков. – И на самом деле это я должен тебя благодарить, без тебя я бы так далеко не продвинулся.

Карл Поликарпович ощутил внутреннюю теплоту, и причиной ее не был горячий кофе. А Яков продолжил:

– Мы с тобой хороши в паре, мой друг. Как продвигается с часами?

Клюев обрисовал успехи предприятия и Яков, судя по виду, был весьма доволен услышанным.

– Клюевские часы с чайником достойны того, чтобы стоять у кровати каждого человека, во всех уголках земли, – сказал он, и Карл Поликарпович закивал, хотя заявление изобретателя своим пафосом слегка его испугало. Он, конечно, всегда мечтал вывести отцовское производство на первое место в мире, но то мечты, а тут реальность. Затем он вспомнил свои опасения насчет присутствия на заседаниях и поделился ими с Яковым. Тот его успокоил:

– Ты, Карлуша, себя недооцениваешь. Я натура увлекающаяся...

Тут вошел Жак и, услышав эту фразу, сказал нечто непонятное Карлу Поликарповичу то ли на итальянском, то ли на французском. Клюев засопел и мстительно подумал: «А вот не буду говорить, что английский учу... пусть только он что-нибудь зловерное про меня скажет, думая, что я его не понимаю, тут-то я его и огорошу...». Яков строго цыкнул на Жака и повернулся к Клеюву.

– Так вот, я натура увлекающаяся, а ты будешь как бы моим якорем, чтобы в море не унесло. Ну и в целом, Совет в твоём лице приобрел неглупого человека, дальновидного, что скажешь, нет?

Очернять себя перед другом Карл Поликарпович не собирался, хоть и промелькнуло подспудное желание – авось Яков переубедить начнет, дифирамбы петь; но до такого опускаться было совсем уж нехорошо, и потому Клюев только кивнул.

– Ну и ладненько, – подытожил Яков, доливая всем кофе. – Жак, Адам к Кромби поехал?

– Ага. – Коротко ответил француз.

А Яков отчего-то расплылся в улыбке.

Джилли с нетерпением ждала каждого визита Адама. Поначалу она еще убеждала себя, что ее радует общение с интересным, добрым человеком, но в конечном счете ей понадобилась всего неделя, чтобы признаться себе – она влюбилась. Тут уж и колотящееся сердце дало о себе знать, и мурашки по телу бежали каждый раз, как на прогулке Адам поддерживал ее за талию, и она все никак не могла удержаться от того, чтобы не смотреть на него украдкой, и любоваться, когда он не видит. Он ведь был красив, она совершенно упустила этот факт при первых встречах. Стройная фигура, светлые кудри, античный профиль. Она и злилась на себя за глупое поведение, и блаженствовала, а потом злилась за то, что блаженствовала. В конце концов, устав попрекать себя вполне естественным чувством, Джилл просто окунулась во влюбленность, не загадывая наперед, что она принесет.

Прошло время велосипедных прогулок, так как зачастую дожди, и молодые люди просто сидели на веранде, или в редкие моменты, когда в облаках возникал просвет, гуляли по саду, не отходя далеко от дома. Джилли бы хотелось, чтоб была весна – хотя бы потому, что ей было удобнее общаться с Адамом вдалеке от постоянно подмигивающей тети; наконец она сообразила, что гулять можно по городу, там и от непогоды укрыться есть где, и тетя вряд ли последует за ними. Несколько недель они с Адамом бродили по набережной, усыпанной цветными лентами, оставшимися после приезда парка развлечений, то и дело согреваясь в разбросанных тут и там маленьких уютных кофейнях; гуляли по центральному парку, который находился вовсе не в центре городка, а на окраине и представлял собой уцелевший среди заповоленных все свободное пространство фабрик и мастерских клочок естественной, нетронутой природы. Но и это не устраивало Джилл полностью – город становился, казалось, шумнее с каждым днем и все больше людей толпилось на улицах. Отчасти виной тому послужило строительство мостов, соединяющих острова: приехали рабочие, грузчики, инженеры, камнетесы и прочие. Да и в целом, как отмечала Джилл со свойственной журналисту остротой взгляда, городок их набирал обороты, вертелся в колесе жизни все быстрее. Поэтому, когда к концу октября дожди и ветры улеглись, оставив на память только затянутое тучами небо, Джилл предложила Адаму встречаться за домом, и гулять по холмам, вдоль берега. Молодой человек согласился. Он вообще соглашался с Джилл практически во всем. В каких-то случаях ее это не радовало, но конкретно в этом – она была довольна.

Адам пришел из города пешком, рассчитав время так, чтобы к четырем часам оказаться на холме за домом Кромби. В последние свои визиты он, по просьбе Джилл, в дом не заходил, потому что была велика опасность, как выражалась девушка, «попасться с сети миссис Кромби» – на чай, на крендельки, на разговоры... Они встречались на холме каждый день, если Джилл не была занята, о чем она всегда предупреждала заранее.

Джилл помахала ему рукой, еще с подножия холма. Он дождался, пока она поднимется и поприветствовал ее, как всегда, сдержанным поклоном. На этот раз, как заметила девушка, он не улыбнулся, и вообще выглядел до странного обеспокоенным чем-то.

– Как дела в лаборатории? – спросила она, поздоровавшись.

– Хорошо, – отозвался Адам и чуть оттопырил локоть, чтобы Джилл могла взять его под руку. Они медленно двинулись по холму вниз, удаляясь от дома. – Уже неделю как довольно много суматохи, после того, как Якова Гедеоновича выбрали в Совет. Бумажной работы стало больше, но я все равно успеваю.

– Он не спрашивает, куда ты вечерами уходишь? – Джилл знала, что Адам и живет в том же доме, где работает, и понимала, что его отлучки не остаются незамеченными.

– Он знает. – Просто ответил Адам.

– И? – Заметив, что Адам смотрит на нее непонимающе, Джилл пояснила: – Не ругается? Его это устраивает?

– А почему он должен ругаться? – Искренне удивился Адам. – Он даже иногда пораньше отпускает, говорит: «Спешу к журналистке на крыльях любви».

Джилл уже приготовилась нахмуриться, поскольку отчего-то была уверена, что Шварц станет чинить препятствия ухаживаниям своего секретаря, но, услышав слово «любовь», чуть не споткнулась о камень. А ведь сам Адам так этого слова и не сказал... возможно, это он таким витиеватым способом дает понять о своих чувствах?

– Любви? – Пересохшими губами переспросила Джилл.

– Да, так и говорит. Наверное, цитата кого-то из классиков.

Тон Адама был такой ровный, что Джилл засомневалась в своей первой догадке. Но упускать возможность узнать о намерениях молодого человека, тем более что тема так удобно возникла в разговоре, было бы глупо, потому она спросила:

– А ты когда-нибудь любил, Адам?

Тот задумался. Обычно это в нем Джилл очень нравилось – отвечая на вопрос, Адам никогда не говорил поспешно, лишь бы сказать. Особенно сложные вопросы он обдумывал довольно долго, и, если не знал ответа, признавался честно. Но сейчас, сейчас... ах, как скребла душу каждая минута, что он молчал.

Они прошли мимо скалы, выдающейся к морю, той самой, на краю которой стояла Джилл в первую их прогулку. Девушка шагала размеренно, стараясь, чтобы Адам не заметил, что лицо ее пылает. Закусив губу, она повторяла себе: «Успокойся, успокойся», и в сосредоточенности пропустила мимо ушей его ответ.

– Что-что? – Переспросила она поспешно, боясь, что во второй раз он ответит более уклончиво. Но Адам ответил – и она поняла это сразу – точно так же, как и в первый раз:

– Нет.

– А сейчас... любишь? – Вырвалось у Джилл, и уже спустя секунду, она чуть язык себе не прикусила от отчаяния. Надо же, сама себя обрекла, по меньшей мере, еще на десять минут томительного ожидания. Но, как ни странно, Адам ответил сразу:

– Не знаю.

«Это хорошо, – с облегчением подумала девушка, – это хорошо... он никогда не лжет... значит, он просто не уверен, что за чувства испытывает».

Она перевела разговор на более безобидную тему, а именно – науку. Уж про различные современные достижения в технике, физике и химии Адам мог говорить часами. За время изложения принципов работы электрического двигателя, нового изобретения Шварца, Джилл успела успокоиться; они дошли до того места, где начинались крутые скалы, и развернулись обратно.

– Очень полезное изобретение, – сказала Джилл, стараясь поддерживать разговор в безболезненном равновесии. – А ты в нем участвовал?

– Тебе бы, наверное, хотелось, чтобы я сказал «да», – серьезно заметил Адам. – И я все никак не могу понять, почему.

– Ну как же... – растерялась Джилл. – Ведь важно в своей жизни сделать что-то значительное.

– Почему? – Спросил молодой человек.

Джилл сначала решила, что он шутит, но взглянув в его спокойные, серые глаза, поняла – он говорит, что думает. Как и всегда.

– Ты часто говоришь о том, что каждый «должен» сделать в жизни, – тихо сказал Адам. – Но разве недостаточно просто жить?

– Но... нет, не достаточно. – Джилл немного удивилась тому, как странно повернулась их беседа – еще полчаса назад она и не подозревала, что будет объяснять Адаму основные философские концепции. – Есть ведь вечный вопрос: «В чем смысл жизни?».

– Есть? – Переспросил молодой человек.

– Конечно. И каждый его себе рано или поздно задает. И те люди, что не довольствуются простыми ответами, вроде «смысл жизни в деньгах», или в славе, или во власти, постепенно

приходят к тому, что самое важное в жизни – сделать что-то... весомое. Значительное. То, что оставит след в истории.

Адам слабо улыбнулся, потом словно бы захотел ответить, но передумал.

– А, по-твоему, в чем смысл жизни? – Спросила Джилл. Этот разговор, как выяснилось, заставлял ее нервничать не меньше, чем предыдущий, когда они говорили про любовь. Возможно, потому что она сначала хотела включить эту самую «любовь» в перечень того, ради чего стоит жить, но отчего-то смолчала.

– Я не знаю, – медленно ответил Адам. – Но я подумаю над этим, обещаю.

Остаток пути они вполне мило беседовали, однако, когда пришло время прощаться, Джилл опять почувствовала, как потеют ладони.

– Придешь завтра? – Спросила она.

– Приду. – Адам поцеловал ей руку, она сама разрешила ему, пару недель назад. Сейчас ей захотелось взять свое разрешение обратно. – Только позже, к шести. В три к нам привезут доставку из Англии, я буду занят. Но до темноты у нас останется еще пара часов, чтобы погулять.

– Хорошо... – Джилл слабо улыбнулась. – До завтра, Адам.

– До завтра, Джилл.

Всю ночь Джилл провела, ворочаясь в постели и пытаясь заснуть. Она перебирала в уме весь их разговор, пытаясь понять, где она вела себя глупо, или нескромно, или слишком опережала события. Наконец, убедив себя, что по всем правилам приличия прошло уже достаточно времени, чтобы молодой человек хотя бы дал понять, что Джилл ему небезразлична, а уж по законам логики он и вовсе должен был признаться в этом сразу, как увидел ее у холма – иначе зачем бы ему каждый день в течение месяца, невзирая на непогоду, встречаться с ней? – Джилл уснула.

На следующий день она не находила себе места, слоняясь по дому, и довела этим тетю до вспышки раздражения. Та отправила ее в город за покупками, а по возвращению завалила домашней работой, чему Джилл была даже рада. Статьи для газеты она написала на несколько недель вперед, поскольку дядя уехал на материк по делам, и заняться ей было совершенно нечем, кроме как блуждать по саду и изводить себя, так что Джилл с энтузиазмом принялась за уборку. У них в доме была горничная, но та скорее отвечала за чистоту дома вообще, а в кабинет мистера Кромби, где работала и сама Джилл, ее не пускали под страхом увольнения. И Джилл, и ее дядя, отличались повышенной «пылевой и мусорной обрастаемостью», как называла это тетя, а они всего-навсего, когда работали, разбрасывали вокруг бумаги и наброски, карандаши и папки с документами. Причем каждая, даже сильно помятая и валяющаяся на полу бумажка могла оказаться чем-то важным, потому-то горничной и запрещали прибираться в кабинете. Джилл разобрала папки по годам, затем по алфавиту, убрала их в ящики, затем выровняла стопки предыдущих выпусков газеты, чтоб те не свалились на голову, и прошлась по всем поверхностям, что были доступны, тряпкой. Во время уборки Джилл поглядывала на часы – в половине пятого она закончила прибираться и спустилась к чаю. Тетя, естественно, тут же устроила допрос.

– А мистер Ремси разве не придет сегодня? Уже пять часов, а обычно ты сбегает из дома без четверти четыре.

– Придет. – Вздохнула Джилл, накладывая вишневое варенье на тост. С диетой было покончено дней через пять после ее начала, тогда же, когда у Джилл кончилось терпение слушать «охи» тети по поводу «ушедших» двух дюймов. Джилл «вернула» эти два дюйма за пару дней, и еще один, мстительно, сверху прибавила.

– Хм... – Высказалась тетя, и посмотрела в окно. – Сомневаюсь.

– Это почему?

– Погода портится. Наползает туман.

– Все равно придет, – уверенно сказала Джилл. Она знала, о чем говорила – в прошлую среду Адам приехал на велосипеде в страшный ливень. – Если б не мог, отправил бы записку с посылным прямо с утра.

– Какой серьезный молодой человек, – одобрила тетя и больше вопросов не задавала.

Без двадцати шесть Джилл накинула пелерину, надела крепкие, непромокаемые ботинки, и выскочила в сад. Правда, тут же пошла медленнее – в воздухе висели клочья плотного тумана. Но она достаточно хорошо знала и сад, и окрестности дома, потому добралась до холма без приключений, даже не поскользнулась ни разу. Часов она с собой не взяла, и потому первые минут двадцать терпеливо ждала, приговаривая, что, верно «уже без пяти минут шесть». Потом просто стоять стало зябко и она начала прохаживаться туда-сюда. Прошел час, и уже не было никакой возможности обманывать себя, что «вот-вот наступит шесть часов», но Джилл все не уходила. Адам сказал, что придет... даже если б он сначала решил зайти в дом, думая, что она не выйдет его встречать в такую погоду, уже давно бы оттуда кто-нибудь подошел и позвал ее. А раз никто не пришел...

Днем было тепло, несмотря на хмурое небо, а вот к ночи похолодало, и туман, наползший словно бы из ниоткуда, укутал все вокруг. К несчастью, столь частый в здешних краях ветер именно в этот день решил отдохнуть, и туман был плотный, почти непроглядный. Солнце еще не зашло, хотя, наверное, уже скоро должно было закатиться за горизонт.

«Какая же я дура, – догадалась вдруг Джилл, – он же наверняка заблудился в тумане, поднимаясь на холм». Она развернулась и пошла к дороге. Пару раз позвала тихонько Адама по имени. «Если он шел по дороге к холму, огибая дом, он вполне мог пройти мимо и не заметить... значит, он блуждает где-то там... у обрыва!». Джилл подобрала юбки и припустила уже по направлению к морю – со всех ног. Упасть она не боялась, с детства она знала здесь каждую кочку.

– Только бы не свалился, только бы не свалился, – бормотала она себе под нос.

Не добежав до края скал шагов десять, Джилл прислушалась. Впереди, за стеной тумана, бились о берег волны, с глухим шумом накатывая на отполированные за века камни. Она снова позвала Адама, уже громче, не опасаясь, что ее услышат в доме и она станет причиной насмешек, или хуже того, паники тети. Ей показалось, что она услышала что-то – то ли голос, отвечавший ей, то ли крик чайки... но ей хотелось верить, что голос. Она пошла вдоль обрыва, осторожно, не доверяя обманчивым звукам. По тому, как изгибалась тропинка, она поняла, что приближается к скальному выступу и остановилась, прислушиваясь. Легкое дуновение ветра разметало туман, и он клочьями понесся прочь, открывая обзор. Джилл судорожно вдохнула – она увидела на краю скалы мужскую фигуру. Это был Адам, определенно он.

– Адам! – Крикнула она и побежала. Туман снова закружился перед лицом, скрывая молодого человека, стоявшего всего шагах в тридцати впереди. Джилл показалось, что он обернулся, а потом его фигура утонула в дымке.

Девушка взобралась на небольшую площадку, образованную из скалы ветрами. С нее открывался прекрасный вид... днем, когда воздух был чист. Теперь была видна лишь серая хмарь кругом, и, словно грозя, рокотало мрачное, свинцовое море у подножия скалы. Темные от влаги камни выступа были пусты. Джилл стала на колени, и, не до конца понимая, что делает, перевесилась через край, пытаясь сквозь слезы рассмотреть камни там, внизу. Неужели он упал? Черные волны лениво облизывали берег и Джилл, как ни старалась, не смогла рассмотреть ничего, кроме воды.

– Наверное, он услышал меня и пошел навстречу... – прошептала она.

Тогда он должен быть где-то рядом. Поднявшись, Джилл отошла от края и снова закричала:

– Адам!

Но туман поглощал звуки, как плотный войлок. Джилл маленькими шажками пошла к тропинке, не переставая звать Адама. И вот ей послышался какой-то звук. Что-то вроде урчания огромного зверя – тяжелое дыхание, клопочущее и хриплое. Она застыла. Захрустели камешки под чьей-то обувью. В тумане перед девушкой возник сначала темный силуэт, потом он стал четче, человек приблизился... Джилл готова была броситься навстречу, упасть Адаму в объятия и никогда от себя не отпускать – но что-то удержало ее от такого безумного поступка. Мужчина приблизился.

– Мисс Джилл? – Раздался ровный, спокойный голос. – Мисс Джилл, я слышал, как вы кричали.

Джилл стала бить дрожь. Ноги подкосились, и она опустилась на землю, обняв себя за плечи руками. Слабым голосом она ответила:

– Я здесь, мистер Шварц.

Изобретатель приблизился. Головного убора на нем не было, и от влаги волосы его потемнели и облепили голову, как диковинный шлем. Он встал на колени около Джилл и деликатно приобнял ее одной рукой за плечи. Она затряслась в рыданиях, хотя за каждый всхлип готова была дать себе пощечину. Ей казалось вдвое позорнее плакать при нем, при Шварце.

– Ну-ну, – он успокаивающе погладил ее по голове. – Вы потерялись... Хорошо, что я решил проверить тут, у обрыва. Ваши тетя с дядей места себе не находят от волнения, вы ушли из дома более двух часов назад. А я как раз ехал мимо по делам, и заглянул по просьбе Адама...

– Адам? Вы видели его? – Джилл утерла слезы и отстранилась. – Он был тут, стоял на краю, я думаю, что он упал, нам надо спуститься...

– Нет, нет, вы ошибаетесь, – ласково сказал Шварц, снова проводя рукой по ее волосам. – Адам остался дома, подхватил воспаление легких, у него высокая температура. До самого последнего момента терпел, и молчал, пока не свалился – но сейчас у него все хорошо, я вызвал доктора, и Адам спит.

– Но... это невозможно, я видела его у обрыва... – пролепетала Джилл.

– Нет, Адам дома. Вам почудилось. Туман так обманчив... почти как фата-моргана в пустыне, слышали про такое? Оптическая иллюзия... Адам дома, лежит под одеялом и выздоравливает во сне. Он попросил меня заехать и предупредить вас, но я задержался в городе и прибыл позже шести... Я крайне сожалею, мисс Джилл, и чувствую себя ужасно виноватым, ведь я мог избавить вас от волнений... Однако никто не мог предположить, что вы в такую непогоду будете бродить тут одна, в тумане. Позвольте вашу руку, я провожу вас к мобиле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.